

12+

Магомед Сагаипов

НАСЛЕДИЕ ХОЛСТА



Магомед Сагаипов

Наследие холста

«Издательские решения»

Сагаипов М.

Наследие холста / М. Сагаипов — «Издательские решения»,

Нора — блогерша из современной Мореи — пришла в музей за красивым контентом. Коснулась старой картины. И оказалась в средневековом замке — в чужом теле, в чужом времени, накануне осады. Принцесса Лиэн оказалась в её городе. Две девушки разделены веками — но связаны чем-то необъяснимым. И у обеих нет выбора: Нора должна удержать замок, которого никогда не видела. Лиэн должна найти того, кто всё это сделал. Потому что если замок падёт — Мореи не будет. Совсем.

© Сагаипов М.

© Издательские решения

Содержание

НАСЛЕДИЕ ХОЛСТА	6
Часть I. Подмена	7
— И?	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наследие холста

Магомед Сагаипов

© Магомед Сагаипов, 2026

ISBN 978-5-0070-7435-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАСЛЕДИЕ ХОЛСТА

Часть I. Подмена

Глава 1. Обычный день

Будильник сработал в девять утра.

Нора отключила его не открывая глаз — привычным движением, выработанным годами. Телефон лёг обратно на подушку рядом с ней, и ещё минут десять она лежала не шевелясь, глядя в потолок. Там у левого угла шла едва заметная трещина — тонкая, извилистая, похожая на русло пересохшей реки. Нора знала её наизусть.

Вставать всё-таки пришлось.

Квартира была небольшой но обустроенной с той особенной тщательностью которая бывает у людей, чьё жильё одновременно является рабочим местом. Светлые стены, минимум лишнего, правильный свет из больших восточных окон — утром солнце ложилось именно туда куда нужно. На подоконнике стояли три горшка с растениями которые Нора исправно поливала потому что они хорошо получались на фото. Любила ли она их сама по себе — этого она никогда не проверяла.

Кофемашина зашумела и затихла. Нора взяла кружку и встала у окна.

Морея просыпалась.

Внизу по Центральному проспекту уже тянулись машины — неторопливой утренней вереницей, без суеты. По тротуару шли люди: кто-то со стаканчиком кофе, кто-то с собакой, кто-то уставившись в телефон так же как она сейчас. На крыше дома напротив грелся рыжий кот. Между высотками блестела река — широкая, спокойная, она огибала центр города плавной дугой и уходила куда-то за холмы. По реке шла баржа, низкая и неспешная.

Нора смотрела на всё это с умеренным интересом — примерно с таким же с каким смотрят на аквариум в ожидании очереди к врачу.

Телефон завибрировал.

Она посмотрела на экран. Коэн — написал ещё вчера вечером, она не ответила, и вот он написал снова: *«Доброе утро. Как ты?»*

Нора поставила кружку на подоконник, открыла переписку, подержала палец над полем ввода — и убрала телефон в карман. Ответит потом. Или завтра. Коэн не обидится — он никогда не обижался, в этом была его особенность и одновременно его проблема, хотя Нора об этом не думала.

Она допила кофе и пошла собираться.

Съёмка заняла два часа.

Три образа, два фона, четыре смены света. Кольцевая лампа стояла у окна на выверенном годами месте, штатив был выставлен на единственно правильный угол. Всё это Нора делала почти не думая — руки знали что делать без участия головы. Голова в это время слушала подкаст о трендах сезона и периодически отвлекалась на телефон.

Коэн написал ещё раз. *«Может встретимся на этой неделе? Давно не виделись».*

Нора пролистала не отвечая.

Из сорока кадров она отобрала восемь. Из восьми — четыре. Обработала, придумала подписи, поставила в очередь на публикацию. Потом открыла список дел и нашла то что искала: *городская ярмарка, Речной бульвар, сегодня последний день.*

Кто-то из знакомых упомянул в сторис — мол, там интересно, приходи. Нора решила заглянуть. Ярмарки всегда давали хороший материал: еда, люди, фактуры. Три поста минимум если повезёт.

Она накинула куртку и вышла.

Речной бульвар был в пятнадцати минутах пешком — вдоль набережной, мимо старых лип с жёлтыми уже кое-где кронами, мимо скамеек и велосипедных дорожек и лотков с горячими каштанами. Нора шла и снимала по дороге — привычно, не останавливаясь: свет на воде, отражение башен в реке, пара голубей на парапете.

Ярмарка раскинулась вдоль бульвара шатрами и лотками — пёстрая, шумная, пахнущая жареным луком и свежей выпечкой и немного краской. Нора шла вдоль рядов, снимала, пробовала что-то на одном лотке, покупала горячий сбитень на другом. Людей было много — выходной, последний день, все пришли.

Она уже собиралась поворачивать обратно когда краем глаза зацепила что-то в дальнем ряду.

Небольшой лоток, скромный — просто стол и несколько картин прислонённых к временной перегородке. Среди пёстрой ярмарочной толчеи они выглядели странно: тёмные, плотные, написанные без скидок на вкус случайного покупателя. Нора подошла ближе — не потому что хотела купить, просто это выглядело необычно, а необычное она фотографировала.

Картин было пять. Все — город. Один и тот же незнакомый город с разных точек: широкие улицы, массивные здания из тёмного камня, площади с фонтанами геометрически правильной формы. Над городом везде висело одно и то же небо — белёсое, плотное, без намёка на солнце. И при этом город был живой: в окнах угадывался свет, на улицах были люди, из труб поднимался дым.

Нора разглядывала их секунд десять.

Написано было с такой плотной, почти давящей силой что она не сразу поняла — нравится ей это или нет. Художник явно любил этот город. Или тосковал по нему так, что это стало неотличимо от любви.

— Интересно, да? — сказал кто-то рядом.

Она обернулась. За столом сидел мужчина лет сорока — худощавый, в тёмном, с усталым лицом человека который плохо спит. Он смотрел на неё без особого выражения.

— Ваши? — спросила Нора.

— Мои.

— Что за город?

Мужчина помолчал.

— Тот который должен был существовать, — сказал он наконец. — Но не существует.

Нора посмотрела на картины ещё раз. Потом подняла телефон и сфотографировала — широко, все пять сразу. Художник не возразил. Смотрел на неё всё с тем же усталым спокойствием.

— Хорошие работы, — сказала она вежливо.

Он кивнул. Не поблагодарил — просто кивнул, как будто это была не похвала а констатация факта которую он принял к сведению.

Нора убрала телефон и пошла дальше.

Через десять шагов она уже думала о другом — о подписи к фото с каштанами, о том что надо ответить Коэну хотя бы коротко, о том что дома кончился сахар. Картины остались позади, в толпе, в дальнем ряду.

Художник смотрел ей вслед.

Вечером она опубликовала три поста — каштаны, набережная, кто-то чья собака попала в кадр со смешной мордой. Фото с картинами она пролистала и не поставила — слишком мрачно для её аудитории.

Коэну она так и не ответила.

Легла в половине двенадцатого, закрыла глаза — и почти сразу провалилась в сон без сновидений. Ровный, спокойный, пустой.

Обычный день закончился.

Конец первой главы

Глава 2. Замок

Лиэн проснулась до рассвета.

Не от тревоги — просто так. Она всегда просыпалась рано, с детства, когда ещё отец шутил что у неё внутри живёт петух который не знает выходных. Она лежала в темноте, слушала замок — и замок отвечал ей привычными звуками: где-то гудел ветер в старой кладке, потрескивали факелы в коридоре, далеко с северной башни донёлся приглушённый оклик стражника и такой же приглушённый ответ.

Всё на месте. Всё как должно быть.

Она встала.

Покои принцессы располагались в восточном крыле — просторные, с высокими потолками и узкими стрельчатыми окнами. Утром сюда первым делом врвался свет — сейчас окна были ещё тёмными, но небо за ними начинало сереть. Лиэн оделась без помощи служанок — она не любила когда её торопили чужие руки — накинула плащ и вышла.

Коридор встретил холодом и запахом старого камня.

Этот запах она знала с рождения. Сырость и воск, немного дыма от факелов, чуть-чуть — трав из кухни если ветер дул с той стороны. Замок пах именно так и никак иначе, и Лиэн не представляла что может быть другой запах у дома.

Она шла по коридору не торопясь — знала каждую плиту под ногами, каждый поворот, каждое место где факел горел ярче а где едва теплился. Этот замок она знала как собственное дыхание. Родилась здесь. Выросла здесь. Научилась здесь читать и считать и держать меч и слушать людей — последнее давалось труднее всего и было важнее всего.

В конце восточного коридора была маленькая дверь которую большинство обитателей замка не замечали — она вела на узкую служебную лестницу, крутую и тёмную, и выходила прямо на боевой ход северной стены. Лиэн пользовалась ею с двенадцати лет.

Она вышла на стену.

Морея лежала внизу — тихая, предрассветная, ещё не проснувшаяся.

Лиэн облокотилась на зубцы и смотрела.

Река серебрилась в сером свете — широкая, неторопливая, она огибала город плавной дугой и уходила за холмы. Вдоль берегов теснились дома: первые кирпичные, приземистые и основательные, и деревянные рядом с ними — с резными ставнями, с низкими крышами покрытыми потемневшей дранкой. Между ними петляли улицы — кривые, тесные, как и положено молодому городу который рос сам по себе, без плана, просто туда куда было удобнее и ближе к воде.

Кое-где уже светились окна. Пекари вставали раньше всех — она знала это потому что однажды в детстве упростила отца взять её на рынок до рассвета и с тех пор помнила как пахнет город в четыре утра: дымом и тестом и холодной водой из колодцев.

В центре, там где улицы сходились в одну точку и река делала самый широкий изгиб — была площадь.

Площадь Каэлана.

Большая, мощёная крупным серым камнем, с колодцем посередине и старым вязом у северного края. Лиэн смотрела на неё и думала — как думала каждый раз — что это имя на камнях весит больше чем кажется. Каэлан. Друг Таэриона, брат Элдана, человек который отдал жизнь за то чтобы этот город вообще существовал. Таэрион и Тариан называли площадь

его именем — и правильно сделали. Такие вещи надо помнить не в летописях а в камне, под ногами, каждый день.

Она стояла и смотрела пока небо не начало светлеть по-настоящему — сначала серое, потом розоватое у горизонта, потом золотое над горами. Морея просыпалась: внизу хлопнула дверь, залаяла собака, застучали колёса первой телеги по мостовой.

Пора.

Кардон уже был в малом зале когда она спустилась.

Он стоял у окна с картой в руках — большой, подробной, исчерченной пометками его собственной рукой. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами в которых только у висков пробивалась седина — Тэрвин выглядел именно так как должен выглядеть человек которому доверяют замок и всё что внутри. Лиэн с детства думала что отец выглядит как скала — не потому что твёрдый, а потому что надёжный. Скалы не падают.

— Рано, — сказал он не поднимая глаз от карты.

— Ты тоже.

— Я Кардон. Мне положено.

— А мне?

Он посмотрел на неё — в его взгляде мелькнуло что-то похожее на улыбку, сдержанную, краешком.

— Тебе тоже положено, — согласился он. — Садись.

Они позавтракали вдвоём — просто, без церемоний, хлеб и сыр и горячий травяной отвар. Тэрвин рассказывал о делах: нужно было проверить запасы в южном амбаре, принять старейшину из Харума который прибыл вчера вечером, разобраться со спором двух торговцев у восточных ворот. Обычные дела, не примечательные. Лиэн слушала и запоминала — она давно научилась что в управлении замком нет мелочей, что спор двух торговцев если его не разрешить вовремя становится через месяц проблемой целого квартала.

— Старейшина из Харума, — сказала она. — Это по поводу пастбищных угодий?

— По поводу сына. Привёз его с собой — говорит хочет чтобы тот послужил при замке.

Познакомишься сегодня.

Лиэн кивнула.

— Как его зовут?

— Олдан.

Олдана она увидела в полдень — во дворе, где он гонял коня по кругу с таким сосредоточенным видом будто от этого зависело что-то важное. Невысокий, жилистый, с лицом человека привыкшего к ветру и открытым пространствам. Держался в седле хорошо — это Лиэн отметила сразу, она умела смотреть.

Он заметил её, спешился, поклонился — коротко, без лишних слов.

— Принцесса.

— Олдан, — сказала она. — Добро пожаловать в замок.

Он смотрел на неё прямо — не дерзко, но и без той подобострастности которая раздражала её в людях приезжавших произвести впечатление. Просто смотрел. Оценивал — так же как она оценивала его.

— Благодарю, — сказал он.

Больше они в тот день не разговаривали. Но Лиэн запомнила взгляд — внимательный, спокойный, без лишнего.

Вечером она вернулась в покои когда солнце уже касалось гор.

Служанка принесла ужин и свечи, задёрнула тяжёлые шторы. Лиэн сидела за столом с книгой — историческими хрониками, скучными и необходимыми — и читала про управление водными путями в засушливые годы. За окном замок постепенно затихал. Гасли огни в окнах нижних этажей, смолкали голоса во дворе, только стража менялась по часам да ветер не унимался в старых башнях.

Обычный день.

Она закрыла книгу. Погасила свечу. Легла.

И уснула — ровно и спокойно, как человек у которого совесть чиста и дел на завтра достаточно.

Конец второй главы

Глава 3. Магазин

Вторник начался с того что кончился кофе.

Нора обнаружила это в половине десятого — когда уже стояла у кофемашины с пустой банкой в руке и смотрела на неё с тем выражением с которым смотрят на предательство. Кофе был не просто напитком. Кофе был первым пунктом утреннего ритуала без которого всё остальное шло наперекосяк — съёмка, обработка, подписи, настроение.

Она оделась и вышла.

Магазин был в соседнем квартале — небольшой, с узким входом и широкими витринами, из тех мест где продают всё понемногу и при этом как-то умудряются не выглядеть захламлёнными. Нора ходила сюда раз в несколько дней — за кофе, за сыром, иногда просто потому что хотелось пройтись.

На улице было прохладно — осень в Морее приходила не резко а постепенно, день за днём забирая тепло и добавляя в воздух запах прелых листьев и далёкого дыма. Нора шла по тротуару вдоль площади Каэлана — большой, мощёной, с голубями у колодца и двумя старушками на скамейке у старого вяза. Обычная картина, она видела её каждый день.

Телефон завибрировал.

Коэн. *«Привет. Как ты?»*

Нора убрала телефон в карман.

Площадь осталась позади, потом короткий переулок, потом знакомая вывеска — деревянная, без лишних украшений. Она толкнула дверь и вошла.

Внутри пахло кофе и корицей и немного — деревом. Хозяин магазина, пожилой мужчина по имени Герт, кивнул ей из-за прилавка. Нора кивнула в ответ — они давно обменивались именно таким количеством слов и обоим это устраивало.

Она взяла корзину и пошла между стеллажами.

Кофе, сыр — тот самый который хорошо шёл к вечернему чаю — ещё что-то по дороге, что попало на глаза и показалось нужным. Нора ходила по магазину неторопливо, без списка, полагаясь на память и интуицию. Это был один из немногих процессов в её жизни который она не оптимизировала и не снимала.

У дальней стены, там где обычно стояли консервы и крупы, она притормозила.

Между стеллажом с мукой и стеллажом с маслом висела картина.

Небольшая — примерно в половину человеческого роста — в простой тёмной раме. Герт иногда вешал что-то на стены, менял раз в несколько недель, Нора обычно не обращала внимания. Но эта была другой.

Тот же город.

Она узнала его сразу — тёмный камень зданий, геометрически правильные площади, белёсое небо без солнца. На этот раз художник смотрел на город с высоты — может быть с холма, может с башни — и была видна вся его планировка: прямые широкие улицы расходились от центра как лучи, между ними плотно стояли дома, а в самом центре возвышалось что-то большое и тёмное — то ли дворец, то ли крепость, то ли просто очень важное здание для очень важных людей.

Нора стояла и смотрела.

Во второй раз картина действовала иначе. На ярмарке она подумала — странно и мрачно, интересно для фото. Сейчас она думала о другом. О том что этот город был нарисован не один раз случайно — он был нарисован много раз намеренно. Один художник, один город, снова и снова. Это не стиль. Это что-то другое.

— Нравится?

Она обернулась. Герт стоял у соседнего стеллажа, протирал полку тряпкой.

— Принёс один человек, — сказал он не дожидаясь вопроса. — Попросил повесить на несколько дней. Я не отказываю художникам — они хорошие покупатели, берут много кофе.

— Вы знаете его?

— Видел пару раз. Худощавый, в тёмном, молчаливый. — Герт пожал плечами. — Платит за кофе наличными. Больше ничего не знаю.

Нора посмотрела на картину ещё раз.

Подписи на этой не было — или она была где-то в углу куда не падал свет. Но Нора была уверена что знает кто это нарисовал. Тот же холод от полотна. Та же давящая любовь к городу которого не существует.

Она достала телефон и сфотографировала — аккуратно, с хорошим светом. Потом убрала телефон и взяла корзину.

— Спасибо, Герт.

— Всегда пожалуйста.

На обратном пути она шла через площадь Каэлана.

Остановилась у колодца — просто так, без причины. Посмотрела на старый вяз, на мостовую под ногами, на дома вокруг. Обычная площадь. Туристы иногда фотографировались у таблички с названием — золотые буквы на сером камне, *Площадь Каэлана*, и внизу мелко даты и три строчки из исторической справки которую никто не читал.

Нора никогда не читала.

Она постояла секунду и пошла домой.

Дома она разобрала пакеты, поставила новую банку кофе на место старой и включила кофемашину. Пока та шумела — открыла телефон и нашла оба снимка: с ярмарки и из магазина. Поставила рядом. Один город, два ракурса. Что-то в этом было — что-то что она не умела сформулировать и поэтому не пыталась.

Закрыла фото. Открыла переписку с Козном.

Поддержала палец над полем ввода.

Закрыла.

Кофе был готов.

Конец третьей главы

Глава 4. Сын старейшины

Олдан появился на тренировочном дворе раньше неё.

Лиэн увидела его ещё с лестницы — он стоял у деревянного манекена с мечом в руке и отрабатывал удары. Методично, без спешки, снова и снова один и тот же приём. Не для показа

— для себя. Таких людей она умела отличать сразу: те кто тренируется для зрителей двигаются иначе, с оглядкой, с паузами в нужных местах. Этот не оглядывался.

Она спустилась во двор.

Утро было ясным — редкость для этого времени года. Солнце только поднялось над восточной башней и косыми полосами ложилось на булыжник двора, на деревянные мишени, на каменную поилку для лошадей у дальней стены. Где-то за конюшнями гремело ведро и ругался конюх — привычный звук, Лиэн его не замечала.

Олдан заметил её — остановился, опустил меч, поклонился.

— Принцесса. Доброе утро.

— Доброе. — Она подошла ближе. — Давно встал?

— С рассвета.

— Не спалось?

Он чуть помедлил — не потому что не знал ответа, а потому что взвешивал стоит ли говорить правду.

— В замке тихо, — сказал он наконец. — Я привык к другой тишине.

— К какой?

— К степной. Она другая. Здесь камень держит звук иначе.

Лиэн кивнула. Она понимала о чём он — люди из открытых мест всегда первое время плохо спали в замке. Стены давили, даже если человек этого не осознавал.

— Привыкнешь, — сказала она.

— Знаю.

Она взяла свой меч у оружейной стойки — привычный, в меру тяжёлый, рукоять отполирована годами — и встала напротив манекена. Олдан отошёл в сторону, давая место. Она начала разминку — медленно, растягивая движения, прислушиваясь к тому как тело просыпается.

Несколько минут они были рядом молча. Она работала с манекеном, он наблюдал — не навязчиво, просто смотрел. Это её не раздражало. Были люди которые смотрели как оценивают товар на рынке — этот смотрел иначе. Как смотрят на что-то интересное.

— Вы левша, — сказал он.

— Да.

— Редкость.

— Знаю.

Пауза.

— Мой дед тоже был левша, — сказал Олдан. — Говорил что это неудобство которое со временем становится преимуществом.

Лиэн опустила меч и посмотрела на него.

— Умный был человек.

— Очень. — В его голосе было что-то тёплое — не сентиментальное, просто настоящее. — Говорят Каэлан тоже был левша. По семейному преданию.

Лиэн чуть приподняла бровь.

— Ты из рода Каэлана?

— Праправнук его брата Элдана. — Он произнёс это просто, без гордости и без скромности — как называют факт который давно принят и осмыслен. — Каэлан детей не оставил. Линия пошла через Элдана.

Лиэн смотрела на него секунду дольше чем обычно.

Она знала эту историю — знала хорошо, с детства, как знают вещи которые важны. Каэлан, друг Таэриона, телохранитель, человек который в самый трудный момент встал между смертью и теми кого любил. Его имя было выбито в камне на главной площади города. И вот

перед ней стоял человек из той же крови — молодой, жилистый, с мечом в руке и спокойным взглядом.

— Добро пожаловать в замок, Олдан, — сказала она. На этот раз иначе чем вчера. Весомее.

Он понял разницу — она видела по тому как он выпрямился. Не от гордости. От понимания.

Военный совет собрался в полдень.

Малый зал для совещаний был тесным и деловым — длинный стол, карты на нём и на стенах, узкие окна которые давали мало света и много ощущения закрытости что было правильно: такие разговоры не для широких залов. Тэрвин сидел во главе стола — спокойный, сосредоточенный, с той особенной тишиной вокруг себя которая бывает у людей привыкших что их слушают.

По правую руку от него сидела Лиэн.

Это место было её давно — не по протоколу, по привычке. Тэрвин однажды сказал ей: слушай не перебивая, говори когда спросят, а когда не спросят — говори всё равно если уверена. Она следовала этому правилу.

Сегодня обсуждали торговые пути — восточная дорога размыта после дождей, нужно решать до зимы. Потом — зерновые запасы в дальних деревнях. Потом — жалоба старейшины одного из кварталов на соседей которые перегородили общий колодец.

Обычные дела. Лиэн слушала и делала короткие пометки на листе перед собой.

Олдан сидел у дальней стены — его отец, старейшина Харума, был приглашён как гость. Сам Олдан присутствовал молча, наблюдал. Лиэн несколько раз ловила его взгляд — он смотрел не на неё, на Тэрвина. Изучал. Запоминал.

Когда речь зашла о восточной дороге старейшина Харума заговорил — степенно, с подробностями о том как в Харуме решают подобные проблемы. Тэрвин слушал внимательно. Лиэн слушала тоже — и думала что харумский способ в целом неплохой но здесь не сработает потому что грунт другой.

— Позвольте? — сказала она когда старейшина закончил.

Тэрвин кивнул.

Она объяснила коротко и по существу. Старейшина выслушал — сначала с видом человека который привык что его не перебивают, потом с видом человека который признаёт что собеседник говорит дело. Кивнул.

— Разумно, — сказал он.

Лиэн не ответила — просто вернулась к своим пометкам.

Краем глаза она заметила что Олдан чуть улыбнулся. Совсем немного. Но заметила.

После совета она поднялась на стену.

Это была её привычка — после долгого сидения в закрытых помещениях выйти на воздух, подышать, посмотреть на город сверху. Морея в полдень была другой чем на рассвете — шумной, живой, полной движения. По улицам тянулись телеги, у колодцев стояли люди с ведрами, на площади Каэлана шумел небольшой рынок — торговцы раскладывали товар прямо на мостовой, покупатели ходили между ними, торговались, спорили.

Лиэн смотрела на всё это сверху и думала о том что хороший правитель должен знать свой город не только с высоты стены. Нужно ходить по нему — по этим кривым улицам и шумным рынкам, разговаривать с людьми, слышать не доклады а живые голоса.

Отец это умел. Она училась.

Позади послышались шаги — лёгкие, уверенные. Она не обернулась.

— Красивый город, — сказал Олдан.

Он встал рядом — не вплотную, на правильном расстоянии — и тоже смотрел вниз.
— Красивый, — согласилась Лиэн.
— У нас в Харуме нет таких городов. Есть поселения, есть торговые точки. Но чтобы вот так — камень на камне, улица на улице...
— Харум строился по-другому.
— Да. Мы привыкли двигаться. — Он помолчал. — Но это тоже красиво. По-своему.
Лиэн посмотрела на него.
— Ты часто бываешь в замках?
— Первый раз.
— И как?
Он подумал секунду.
— Большой, — сказал он. — И надёжный. Чувствуется что стоит давно и стоять будет долго.
— Тариан строил его для корпуса стражей архонта, — сказала Лиэн. — Там, — она кивнула в сторону северо-восточного угла, — самая старая башня. С неё всё и началось.
Олдан посмотрел туда. Помолчал.
— У нас в семье говорили что Элдан помогал Тариану строить этот замок, — сказал он тихо. — Дед рассказывал детям. Те — своим. И так дошло до меня.
Лиэн ничего не сказала. Смотрела на город.
Река блестела внизу. Площадь Каэлана шумела рынком. Где-то в переулке смеялись дети.
Они стояли рядом молча — и молчание было не неловким а просто тихим. Таким каким бывает между людьми которые говорят об одном и том же не нуждаясь в словах.

Вечером Тэрвин зашёл к ней в покои — редкость, обычно они виделись за общим столом или на совете.
Сел напротив. Посмотрел на неё.
— Что думаешь об Олдане?
Лиэн отложила книгу.
— Внимательный, — сказала она. — Немногословный. Держится хорошо.
— Это я сам вижу. Я спросил что ты думаешь.
Она помолчала.
— Думаю что он из тех людей которым можно доверять спину, — сказала она наконец.
— Это редкость.
Тэрвин кивнул — медленно, как человек который уже думал о том же самом.
— Редкость, — согласился он. Встал. — Спокойной ночи, Лиэн.
— Спокойной ночи.
Дверь закрылась. Лиэн сидела в тишине с книгой на коленях и смотрела в огонь свечи.
Думала об Олдане. О площади Каэлана. О том что история иногда умеет возвращаться — не громко, не с фанфарами, а тихо. Просто приходит однажды утром на тренировочный двор и начинает отрабатывать удары.
Она открыла книгу.
За окном Морей засыпала.

Конец четвертой главы

Глава 5. Подружки

Они встретились в кафе на углу площади Каэлана — там где всегда, за угловым столиком у окна который каким-то образом всегда оказывался свободным когда они приходили. Нора решила что это добрый знак и давно перестала проверять эту теорию.

Подруг было двое.

Мэйли — высокая, громкая, с короткими волосами которые она красила каждые два месяца в новый цвет и сейчас они были медно-рыжими. Работала в дизайн-студии, говорила быстро и перебивала всех включая себя. Сэна — тихая, маленькая, с большими очками и привычкой подбирать ноги под себя даже на кофейных стульях. Она вела бухгалтерию в небольшой компании и читала по три книги в месяц о чём регулярно никому не рассказывала потому что никто не спрашивал.

Они дружили с университета — семь лет, разные районы, разные ритмы, но угловой столик всегда свободен.

Нора пришла последней.

— Опять, — сказала Мэйли без осуждения — просто констатация.

— Пять минут, — сказала Нора садясь.

— Пятнадцать.

— Десять максимум.

— Заказывай уже, — сказала Сэна не отрываясь от меню хотя знала его наизусть.

Кофе принесли быстро. Мэйли взяла капучино с корицей, Сэна — зелёный чай который здесь почему-то всегда был хорошим, Нора — американо без всего. За окном площадь жила своей послеполуденной жизнью: голуби у колодца, двое студентов на ступенях вяза, женщина с коляской которая никак не могла припарковаться у тротуара.

— Ты видела что Рита открыла новый аккаунт? — спросила Мэйли.

— Какая Рита?

— Ну Рита. Рита с потоком старше. Рыжая.

— Нас было четыре рыжих на потоке.

— Та которая встречалась с Денисом.

— А, эта Рита. Нет не видела. Зачем ей новый аккаунт?

— Говорит старый заспамили. — Мэйли отхлебнула капучино. — Хотя я думаю она просто хочет начать с чистого листа после того как они расстались.

— Они расстались?

— Ещё месяц назад.

— Ты мне не говорила.

— Говорила. Ты не слушала.

Нора подумала. Возможно.

— Ну и правильно что расстались, — сказала она. — Он был скучный.

— Зато надёжный, — сказала Сэна.

— Надёжный и скучный это не одно и то же? — спросила Нора.

— Нет, — сказала Сэна просто. — Совсем не одно и то же.

Мэйли уже переключилась на другую тему — рассказывала про клиента который хотел логотип одновременно строгий и игривый, минималистичный и запоминающийся, современный и классический. Нора слушала и смеялась в нужных местах. За окном женщина с коляской наконец припарковалась.

— Слушайте, — сказала Мэйли в какой-то момент поставив чашку на блюде с лёгким стуком — жест означавший что она переходит к делу. — Давайте завтра в музей.

— В какой? — спросила Сэна.

— Ну в наш. В замок. Там новая выставка открылась — что-то про основание Мореи, про Тариана, карты старые, артефакты. Я читала что интересно.

— Ты читала? — удивилась Нора.

— Я иногда читаю.

— Я как раз давно хотела, — сказала Сэна. — Там ещё говорят виды хорошие со стен. Можно подняться.

— Нора? — Мэйли посмотрела на неё. — Ты снимала бы. Там наверняка хороший контент.

Нора посмотрела в окно. На холме над городом, над крышами и зеленью, серел замок — башни, флюгер, старый камень. Она видела его каждый день и почти никогда не смотрела на него специально.

— Ладно, — сказала она. — Давайте в музей.

Они просидели ещё часа полтора — говорили обо всём и ни о чём, как умеют только старые друзья которым не нужно поддерживать разговор, которые могут молчать минуту и потом продолжить с середины предложения. Мэйли рассказала про маму которая снова советует ей переехать в квартиру побольше. Сэна — про книгу которую сейчас читает, про историю одной семьи через три поколения. Нора рассказала про картины на ярмарке и в магазине Герта — один и тот же художник, один и тот же чужой город.

— Странно, — сказала Мэйли.

— Атмосферно, — сказала Сэна. — Пришли тебе фото.

— Пришлю.

— А ты не узнала что за город? — спросила Мэйли.

— Нет. Художник сказал что это город который должен был существовать но не существует.

— Жутковато.

— Или романтично, — сказала Сэна.

— Это одно и то же? — спросила Нора.

— Иногда, — сказала Сэна и спрятала улыбку за чашкой чая.

Они выходили когда в дверях столкнулись с Коэном.

Он явно не ожидал — притормозил, посмотрел на Нору. Она посмотрела на него.

— О, — сказала она. — Привет.

— Привет, — сказал он. И больше ничего — просто смотрел на неё с тем выражением которое она давно научилась не замечать.

— Ты сюда? — спросила Мэйли кивнув на кафе.

— Да, встречаюсь с другом.

— Садись к нам, — предложила Мэйли.

— Мы уходим, — сказала Нора.

— Я знаю, — сказал Коэн ровно. — Ничего страшного. — Он посмотрел на Нору. — Ты получала мои сообщения?

— Да, просто была занята. Отвечу.

— Хорошо.

Пауза. Короткая, но заметная — Мэйли скосила глаза на Сэну, Сэна смотрела в сторону с нейтральным видом человека который всё видит и ничего не говорит.

— Завтра в музей идём, — сказала Мэйли Коэну. — В замок. Пойдёшь?

— Мэйли, — сказала Нора.

— Что? Я просто спрашиваю.

Коэн смотрел на Нору — не на Мэйли которая его позвала, на Нору.

— Не хочу мешать, — сказал он.

— Ты не помешаешь, — сказала Мэйли.

— Мэйли, — повторила Нора чуть тверже.

Коэн чуть улыбнулся — не обиженно, просто как человек который привык.

— В другой раз, — сказал он. — Хорошо сходите.

Он прошёл внутрь. Нора вышла на улицу. Мэйли и Сэна вышли следом.

На площади Каэлана Мэйли некоторое время молчала — рекорд для неё — потом не выдержала.

— Он хороший.

— Знаю, — сказала Нора.

— Тогда почему ты...

— Мэйли.

— Всё, молчу.

Они дошли до угла где расходились в разные стороны, обнялись, договорились встретиться завтра у входа в музей в полдень.

Нора шла домой одна.

Площадь осталась позади. Коэн остался в кафе. На холме над городом темнел замок — она не посмотрела в ту сторону.

Дома она открыла переписку с Коэном. Посмотрела на его последнее сообщение. Написала: *«Завтра иду в музей с девочками. Как ты?»*

Отправила. Закрыла телефон.

Легла спать.

За окном Морей тихо гудела вечерним городским гулом — машины, чьи-то голоса, далёкая музыка из открытого окна.

Обычный вечер.

Конец пятой главы

Глава 6. Музей

Нора проснулась в половине одиннадцатого.

Полежала минуту глядя в потолок — трещина у левого угла была на месте. Потянулась за телефоном. Коэн ответил на её вчерашнее сообщение ещё ночью: *«Хорошо. Удачно сходить»*. Коротко, без лишнего. Она убрала телефон и встала.

Душ, кофе, выбор одежды — сегодня музей, значит что-то между удобным и фотогеничным. Она перебрала три варианта, остановилась на четвёртом — бежевое пальто, тёмные джинсы, ботинки на низком каблуке. Встала перед зеркалом, оценила. Годится.

Телефон завибрировал.

Мэйли.

«Норааа прости пожалуйста. Клиент внезапно перенёс встречу на сегодня на полдень. Не могу никак. Идите без меня, потом расскажете».

Нора написала в ответ: *«Ладно»* — и открыла чат с Сэной.

Сэна опередила её.

«Нора, мне так жаль. Мама приехала без предупреждения. Совсем без предупреждения. Прямо сейчас стоит у двери. Я не могу её бросить. Простишь?»

Нора посмотрела на оба сообщения. Потом на себя в зеркало. Потом за окно — небо было серым но без дождя, замок на холме темнел в утренней дымке.

Она могла не идти. Диван никуда не денется, контент можно снять в другой день, музей стоит здесь сколько лет и простоит ещё столько же.

Но виды со стен. Старые залы, камень, артефакты. Это же минимум пять хороших кадров если повезёт со светом. А свет сегодня мягкий — пасмурно, без резких теней, для фото идеально.

Она надела пальто и вышла.

До музея было минут двадцать пешком — через площадь Казлана, потом вверх по улице которая петляла серпантином к холму, потом через небольшой парк где росли старые каштаны и стояли скамейки которые летом всегда были заняты а сейчас пустовали. Нора шла неторопливо, снимала по дороге — каштаны, мокрая мостовая, вид на город снизу вверх с перспективой уходящей к замку.

У входа в музей стояла небольшая очередь — несколько туристов с рюкзаками, семья с детьми, пожилая пара. Нора купила билет, взяла буклет который сразу убрала в карман не читая и вошла.

Внутри было тихо и пахло старым камнем.

Музей занимал несколько залов нижнего этажа и часть башни — там где раньше были жилые покои теперь стояли витрины с артефактами и висели карты на стенах. Нора шла медленно, снимала — старинное оружие за стеклом, карта Мореи трёхвековой давности, макет замка каким он был при основании. Экскурсионная группа прошла мимо за гидом — она услышала краем уха про Тариана и корпус стражей архонта, про первые годы Мореи, про то как строился город.

В третьем зале она остановилась.

На стене среди других полотен висела картина.

Большая — почти в человеческий рост. Замок на холме, написанный с такой точностью что было видно каждую башню, каждый зубец стены, каждый камень кладки. Небо над замком было тяжёлым, предгрозовым — серо-лиловым, с рваными облаками. И внизу, у подножия холма, у самых ворот — всадник. Рыцарь на тёмном коне, в доспехах, с опущенным забралом. Стоял неподвижно — как будто ждал. Или охранял. Или угрожал — отсюда было непонятно.

Нора смотрела на него.

Она видела этот замок каждый день из окна — с другого ракурса, снизу, с улицы. Но здесь он был другим. Написанным с любовью и одержимостью одновременно — так же как те картины на ярмарке и в магазине Герта.

Она прочитала табличку под полотном.

«Неизвестный автор. Предположительно современник основания замка. Частная коллекция, передана в дар музею».

Нора достала телефон.

Кадр общий — хорошо. Кадр средний — тоже. Она подошла ближе чтобы поймать всадника крупно — детали доспеха, опущенное забрало, тёмный конь. Ещё чуть ближе. Протянула руку чтобы скорректировать угол.

Коснулась холста.

И мир исчез.

Телефон упал на паркет.

Лиэн шла по коридору восточного крыла после обеда — возвращалась из библиотеки с двумя книгами под мышкой. Коридор был длинный, прохладный, с факелами через каждые десять шагов и узкими окнами из которых в этот час лился косой послеполуденный свет.

На середине коридора она притормозила.

Здесь всегда висела эта картина — она видела её тысячу раз, с детства, не замечала как не замечают привычные вещи. Замок на холме, серо-лиловое небо, тяжёлые облака. Написано кем-то из Харума — так говорила мать, давно, когда Лиэн была маленькой. Художник приехал с торговым обозом и попросил разрешения нарисовать замок. Тариан разрешил. Картина осталась.

Лиэн смотрела на неё секунду — просто так, без причины. Замок на картине был именно таким каким она его знала: башни, зубцы, камень. Только небо на картине всегда казалось тяжелее чем в жизни.

Она сделала шаг.

И мир исчез.

Книги упали на каменный пол. Звук разлетелся по пустому коридору и затих.

Коэн пришёл в музей в двенадцать двадцать.

Опоздал — встреча затянулась, он торопился, купил билет почти бегом и вошёл в первый зал. Огляделся. Небольшая экскурсионная группа, несколько одиночных посетителей, пожилая пара у витрины с оружием.

Норы не было.

Он прошёл во второй зал, в третий. Заглянул в башню — там шла другая группа. Вернулся в третий зал и остановился.

У одной из картин на полу лежал телефон.

Он подошёл. Поднял. Экран треснул — тонкая линия наискосок. На экране — заблокированный, но он узнал чехол. Розовый, с потёртым углом. Нора теряла его раз пятнадцать и каждый раз находила.

Коэн огляделся.

В дальнем углу зала у той же картины стояла девушка в бежевом пальто. Стояла спиной, очень прямо — смотрела на полотно не шевелясь. Что-то в этой неподвижности было странным.

— Нора, — сказал он.

Девушка резко обернулась.

Норино лицо. Но взгляд был такой что он на секунду забыл что хотел сказать. Широко открытые глаза, напряжённые плечи, дыхание чуть быстрее чем нужно. Она смотрела на него — и явно не узнавала.

— Кто вы? — спросила она. Голос ровный но в нём что-то держалось на краю.

— Коэн. — Он шагнул ближе. — Нора, ты в порядке?

Она не отреагировала на имя — просто смотрела на него, потом быстро — по залу, по окнам, по витринам. Как человек который пытается понять где находится.

— Это... — она запнулась. — Это что за место?

— Музей. — Он остановился в паре шагов. — Нора, что случилось?

— Музей, — повторила она — как будто слово что-то значило. Потом снова на него. — Вы знаете меня?

— Знаю тебя сто лет. — Он протянул ей телефон. — Вот, подняли с пола.

Она посмотрела на телефон — осторожно, как смотрят на незнакомый предмет. Взяла. Повертела в руках. Нажала что-то — экран не реагировал, заблокирован.

— Нора. — Он говорил мягко, как говорят с человеком которому плохо. — Что произошло? Ты упала? Тебе плохо?

— Я не... — она снова запнулась. Сглотнула. Посмотрела на него прямо. — Я не понимаю где я. Только что я была в другом месте. Совсем в другом.

Пауза.

— В каком месте? — спросил он осторожно.

Она открыла рот. Закрыла. Снова посмотрела по сторонам — на высокие потолки, на витрины, на окна за которыми был виден современный город. Что-то в её лице менялось — растерянность, попытка собраться, снова растерянность.

— Я не знаю как объяснить, — сказала она наконец. Тихо. — Я правда не знаю.

— Как тебя зовут? — спросил он вдруг.

Она чуть удивилась вопросу. Потом ответила просто:

— Лиэн.

Коэн кивнул — спокойно, как будто это был нормальный ответ. Внутри что-то дёрнулось — но он отложил это на потом. Сейчас важнее другое.

— Хорошо, — сказал он ровно. — Лиэн. Ты ударилась головой? Упала?

Она смотрела на него. Потом медленно покачала головой.

— Нет. Я просто... шла. И оказалась здесь.

— Понятно. — Он не понимал ничего но голос держал ровным. — Пойдём сядем, хорошо? Там скамейка у выхода. Посидишь, придёшь в себя.

Она оценивала его секунду — внимательно, серьёзно. Потом кивнула.

Они пошли к выходу. Коэн шёл рядом и думал что надо вызвать врача — человек не помнит как сюда попал, называет чужое имя, смотрит на всё вокруг как будто видит впервые. Это не норма. Это явно не норма.

Но сначала — скамейка. Сначала пусть сядет.

Нора. То есть — она. То есть — Лиэн.

Он не знал что думать. Пока не знал.

Конец шестой главы

Глава 7. Замок

Нора пришла в себя на каменном полу.

Это был первый факт — твёрдый, холодный, неопровержимый. Камень под руками, камень под коленями, камень куда ни посмотри. Она несколько секунд просто стояла на четвереньках и смотрела на него — серый, крупный, отполированный тысячами ног до матового блеска.

Потом подняла голову.

Коридор.

Длинный, с низкими сводчатыми потолками, с факелами на стенах через равные промежутки. Факелы горели — настоящие, с живым огнём, с запахом дыма и горячего воска. Узкие окна — стрельчатые, без стекла, просто проёмы в толстой каменной стене — пропускали холодный воздух и серый дневной свет.

Нора медленно встала.

Ноги держали. Голова не кружилась. Она сделала шаг, потом ещё один — просто чтобы проверить что ноги вообще работают. Работали.

— Что, — сказала она вслух. Не вопрос — просто слово.

Эхо ушло по коридору и вернулось.

У её ног лежали две книги — толстые, в тёмных кожаных переплётках, явно чужие. Она смотрела на них секунду. Потом огляделась в поисках телефона — инстинктивно, рефлексивно. Телефона не было. Был кофе в термосе — нет, термоса тоже не было. Вообще ничего не было кроме неё самой и этого коридора и двух чужих книг на полу.

— Хорошо, — сказала она. — Хорошо.

Это было совсем не хорошо.

Паника накатила быстро — горячая, плотная, она почувствовала её в груди как сжатый кулак. Сердце ударило быстрее. Руки стали чуть влажными. Она сделала вдох — медленный, через нос, как делала перед прямыми эфирами когда волновалась и не хотела чтобы это было заметно.

Выдох.

Ещё раз.

Кулак в груди разжался — не ушёл, но разжался. Она умела это. Пять лет перед камерой учат держать лицо когда внутри всё не так. Это была не смелость — это была привычка. Мышечная память человека который каждый день играет роль.

Сейчас роль была одна: не выдать себя пока она не поймёт что происходит.

Она пошла по коридору.

Не потому что знала куда — просто стоять на месте было хуже. Коридор уходил в обе стороны одинаково — факелы, камень, узкие окна. Она выбрала направление наугад и пошла.

Через несколько шагов притормозила у окна.

Выглянула.

Внизу был город.

Не её город — совсем другой. Деревянные дома с низкими крышами, кривые улицы, люди в странной одежде. Река блестела вдаль — широкая, та же самая река, она узнала изгиб. Но всё остальное было другим. Никаких высоток, никаких машин, никакого асфальта. Дымы из труб, телеги на дорогах, запах — она втянула воздух — дыма и навоза и чего-то печёного.

Нора смотрела вниз долгую секунду.

Та же река. Те же горы на горизонте. Другое всё остальное.

— Ладно, — сказала она наконец. — Ладно.

Это тоже было совсем не ладно. Но паника снова попыталась подняться — и она снова её осадилась. Вдох. Выдох. Лицо спокойное. Плечи расправлены. Она столько раз делала вид что всё под контролем когда ничего не было под контролем — в прямых эфирах, в неловких интервью, в ситуациях когда текст забыт а камера пишет — что тело само знало что делать.

Никогда не думала что это пригодится вот так.

Она отошла от окна и продолжила идти.

Думала — быстро, отрывочно, как думают когда надо срочно придумать что-то разумное. Галерея. Картина. Она коснулась холста. И оказалась здесь. Значит это как-то связано. Значит нужно найти похожую картину и попробовать снова — и она вернётся обратно. Логично. Наверное логично.

Или нет.

Главное пока — не делать ничего резкого. Осмотреться. Понять где она. Не привлекать внимания.

Она почти налетела на служанку за поворотом — молодая девушка с корзиной белья едва успела отскочить.

— Ваше высочество! — Девушка побледнела. — Простите, я не видела вас, я...

Ваше высочество.

Нора почувствовала как внутри что-то сдвинулось — не от страха, от неожиданности. Её называли «ваше высочество». Значит она выглядит как кто-то. Значит у неё здесь есть роль.

Роль она умела играть.

— Всё нормально, — сказала она — ровно, спокойно, именно так как говорят люди которых не нужно успокаивать. — Не бойся.

Служанка смотрела на неё с испугом — и с облегчением.

— Ваше высочество, вас искали. Кардон спрашивал где вы, совет начнётся через...

— Подожди, — сказала Нора. — Подожди секунду.

Служанка замолчала.

Нора смотрела на неё. Молодая, лет шестнадцати, в простом платье и переднике. Смотрит как на принцессу. Называет «ваше высочество».

Принцесса. Хорошо. Значит она принцесса.

— Как тебя зовут? — спросила Нора.

— Эна, ваше высочество.

— Эна. — Нора кивнула. — Проводи меня до малого зала.

Эна моргнула — видимо принцесса всегда знала где малый зал — но спорить не стала. Кивнула и пошла вперёд.

Нора шла следом и думала: главное говорить меньше. Слушать больше. Смотреть на людей и понять кто есть кто. Она делала это на каждом новом мероприятии когда не знала никого — заходила в комнату, несколько минут молчала, слушала, и через полчаса уже знала кто здесь главный, кто хочет казаться главным и кто на самом деле всё решает.

Навык оказался неожиданно универсальным.

Малый зал оказался именно таким каким она его себе представила — тесный, деловой, с длинным столом и картами на стенах. За столом сидели несколько мужчин в серьёзных лицах — они встали когда она вошла. Во главе стола стоял высокий мужчина с тёмными волосами и осанкой человека привыкшего что его слушают.

Он посмотрел на неё.

— Лиэн, — сказал он. — Наконец.

Лиэн. Значит её здесь так зовут.

Нора прошла к своему месту — она вычислила его по тому что оно было единственным свободным по правую руку от главного — и села. Положила руки на стол. Посмотрела прямо перед собой.

Все смотрели на неё.

— Продолжайте, — сказала она.

Высокий мужчина — Кардон, решила она, это точно Кардон — чуть приподнял бровь. Потом кивнул и заговорил. Она слушала — про дороги, про запасы, про какой-то спор у ворот. Кивала в нужных местах. Один раз сказала что-то — коротко, первое что пришло в голову исходя из услышанного — и это оказалось достаточно разумным чтобы никто не удивился.

Совет шёл своим ходом.

Нора сидела и думала что надо найти ту картину в коридоре. Что надо разобраться что вообще происходит. Что надо...

— Лиэн.

Она подняла глаза. Кардон смотрел на неё.

— Что думаешь?

Все ждали.

Нора не знала что думать. Она понятия не имела о чём шла речь последние две минуты. Она смотрела на карту перед собой — большую, подробную — и думала: ну же, ну.

— Думаю что нужно сначала проверить, — сказала она. — Прежде чем принимать решение.

Пауза.

Кардон кивнул.

— Разумно, — сказал он.

Нора мысленно выдохнула.

Пять лет перед камерой. Кто бы мог подумать что это спасёт ей жизнь.

После совета Кардон догнал её в коридоре.

— Лиэн.

Она остановилась. Обернулась.

Он смотрел на неё — внимательно, чуть дольше чем нужно. Она не знала как он смотрел обычно но почувствовала что сейчас что-то не так.

— Ты сегодня странная, — сказал он.

— Устала, — сказала она. Первое что пришло в голову.

Он смотрел на неё ещё секунду.

— Ложись пораньше.

— Да.

Он кивнул и пошёл дальше. Нора смотрела ему в спину и думала: прошло. На этот раз прошло. Долго так не продержится — рано или поздно скажет что-то не то, сделает что-то не так. Нужно разобраться быстро.

Она развернулась и пошла обратно в коридор.

Книги всё ещё лежали на полу — там где упали. Она подняла обе. Посмотрела на картину.

Замок на холме. Серо-лиловое небо. Тяжёлые облака.

Никакого всадника.

Нора смотрела на картину долго. В музее была та же картина — почти та же — но с всадником у ворот. Здесь всадника не было. Значит это не одно и то же полотно. Значит там было что-то другое.

Она протянула руку и осторожно коснулась холста.

Ничего.

Просто холст. Просто краска. Холодная и неподвижная.

Она опустила руку.

— Отлично, — сказала она тихо в пустой коридор. — Просто отлично.

Эхо ушло по камню и вернулось.

Нора прислонилась спиной к стене напротив картины и медленно сползла вниз — до пола, обняла колени руками. Первый раз за всё это время позволила себе просто сидеть и не держать лицо.

Никакой камеры. Никакой аудитории. Только холодный камень и факелы и запах воска.

— Ладно, — сказала она в тишину. — Ладно. Думаем.

И начала думать.

Конец седьмой главы

Глава 8. Скамейка

Скамейка у выхода из музея была деревянной, с металлическими подлокотниками, холодной насквозь.

Лиэн сидела прямо — руки на коленях, спина не касается спинки. Коэн сидел рядом на расстоянии — не вплотную, но и не далеко. Смотрел на неё иногда, иногда на людей которые проходили мимо. Не давил. Просто был рядом.

Она это заметила.

Снаружи Морей шумела — машины, голоса, чьи-то каблуки по асфальту. Лиэн слушала и смотрела прямо перед собой. Пыталась собрать происходящее в нечто понятное. Получалось плохо.

Коридор замка. Картина на стене. Шаг — и всё исчезло. И вот она здесь, на деревянной скамейке, в одежде которая сидит на ней правильно но ощущается чужой, рядом с незнакомым мужчиной который смотрит на неё с беспокойством и называет её именем которое не её.

— Вам лучше? — спросил Коэн.

— Немного, — сказала она. Это было правдой — паника отступила, осталась тихая настороженность.

Он кивнул. Не стал развивать тему.

Она покосилась на него. Тёмные волосы, спокойное лицо, руки сложены на коленях — терпеливо, без нервозности. Он явно не понимал что происходит — но не показывал этого. Просто сидел и ждал.

Надёжный, подумала она. Таких людей видно сразу.

— Коэн, — сказала она.

— Да.

— Вы сказали что знаете меня. — Она говорила осторожно, взвешивая каждое слово.
— Давно?

Он посмотрел на неё — чуть удивлённо, но ответил.

— Года три. Познакомились на вечеринке у общих друзей. — Пауза. — Ты не помнишь?

— Нет, — сказала она просто.

Он принял это без лишних вопросов. Достал телефон — нашёл что-то, повернул экран к ней. Фотография: он и девушка на каком-то празднике, смеются, у обоих стаканы в руках. Девушка была она — то есть выглядела как она. Те же черты лица, тот же рост. Но смеялась иначе — громко, запрокинув голову.

Лиэн смотрела на фотографию.

Это не она смеялась так. Она никогда не смеялась запрокинув голову — мать говорила что это некрасиво. Но девушка на фото явно об этом не думала.

— Как её зовут? — спросила Лиэн.

Коэн опустил телефон.

— Нора, — сказал он медленно. — Тебя зовут Нора.

— Меня зовут Лиэн, — сказала она.

Пауза.

Он смотрел на неё. Она смотрела на него. Мимо прошла женщина с собакой, собака покосилась на них и потрусил дальше.

— Хорошо, — сказал он наконец — так же как говорил в зале. Ровно, без спора. — Лиэн. Она чуть расслабила плечи. Он не спорит. Не настаивает. Просто принимает.

— Вы не спрашиваете, — сказала она.

— О чём?

— Отчего я называю другое имя. Отчего не помню вас. Отчего... — она замолчала.

Коэн помолчал секунду.

— Спрошу, — сказал он. — Просто не нынче. Сначала хочу убедиться что вы в порядке.

Лиэн чуть вскинула взгляд — *нынче*. Странное слово для этого человека. Но она промолчала.

— Вы хотите позвать лекаря, — сказала она.

Коэн моргнул.

— Врача, — поправил он мягко. — Да, думал об этом.

— Не нужно.

— Откуда вы знаете?

— Потому что со мной всё в порядке телесно. — Она чуть помедлила. — То что приключилось — это не хворь. Это другое.

Коэн смотрел на неё. Она говорила странно — правильно, без ошибок, но как-то не так. *Телесно. Приключилось. Хворь.* Как будто читала вслух из старой книги.

— Хорошо, — сказал он осторожно. — Тогда расскажите что случилось.

— Я не знаю как объяснить, — сказала она. — Я только что была в другом месте. Совсем в другом. И я не ведаю как туда вернуться.

Только. Не ведаю.

Коэн молчал.

— В каком месте? — спросил он наконец.

Она посмотрела на холм. На замок над городом — серый камень, башни, флюгер на самой высокой. Музей истории Мореи.

Её замок.

Только не её — чужой, другой, ставший историей пока она... пока что-то случилось.
— Там, — сказала она тихо. Кивнула в сторону холма.

Коэн проследил за её взглядом. Посмотрел на замок. Потом на неё.

— В музее?

— Нет. — Она покачала головой. — Не в музее.

Пауза. Он явно ждал продолжения но не торопил.

Лиэн смотрела на замок и думала — говорить или нет. Этот человек помог ей выйти из зала, усадил на скамью, не задаёт лишних вопросов. Надёжный — она решила это уже. Но надёжный не значит готовый поверить в невозможное.

С другой стороны — что она теряет. Она здесь одна. Совсем одна.

— Я из того замка, — сказала она наконец. — Не отсюда. Я там жила. И что-то приключилось — и я оказалась здесь.

Тишина.

Мимо прошла группа туристов с гидом. Гид что-то рассказывал про историю площади Каэлана — она услышала имя и на секунду отвлеклась. Площадь Каэлана. Здесь тоже знают это имя. Здесь тоже помнят.

— Из того замка, — повторил Коэн. Не как вопрос. Просто повторил — будто пробовал на слух.

— Да.

Он посмотрел на замок на холме. Потом на неё.

— И давно вы... там жили?

— Всю жизнь, — сказала она.

Пауза стала длиннее.

Коэн убрал телефон в карман. Сцепил руки. Смотрел прямо перед собой — на площадь, на людей, на что-то невидимое.

Она ждала. Сейчас он скажет что ей нужен лекарь — то есть врач. Или встанет и уйдёт. Или начнёт объяснять что замок это музей и там никто не живёт уже лет двести.

— Хорошо, — сказал он.

Она моргнула.

— Хорошо?

— Хорошо. — Он повернулся к ней. — Я не понимаю что происходит. Но вы явно в порядке — телесно по крайней мере. И вы явно не притворяетесь. — Пауза. — Значит нужно разобраться.

Лиэн смотрела на него.

— Вы верите мне?

— Я не знаю, — сказал он честно. — Но я не знаю и обратного. — Он встал. — Пойдёмте. Здесь холодно. Я знаю кафе рядом — там можно поговорить.

Она встала тоже.

Потом остановилась.

— Коэн, — сказала она.

— Да.

— Вы сейчас сказали *не понимаю*. — Она смотрела на него внимательно. — Это не... привычное слово для вас?

Он моргнул. Потом чуть улыбнулся — смущённо.

— Наверное заразился от вас, — сказал он.

Лиэн посмотрела на него ещё секунду. Потом кивнула и пошла рядом.

Они шли по площади Каэлана — мимо колодца, мимо старого вяза, мимо таблички с золотыми буквами. Лиэн шла и смотрела на табличку — *Площадь Каэлана* — и думала что в

её мире эту площадь только недавно так нарекли. А здесь это уже история. Уже золотые буквы на сером камне.

— Далеко ли? — спросила она.

— Три минуты, — сказал Коэн.

Они шли рядом. Незнакомые — и при этом она почему-то не чувствовала себя совсем одной.

Это было неожиданно.

Конец восьмой главы

Глава 9. Кафе

Кафе было маленьким — столиков восемь, деревянные полы, большие окна запотевшие от тепла внутри. Пахло кофе и корицей. Негромко играла музыка — что-то спокойное, без слов.

Коэн выбрал столик в углу подальше от входа. Сел напротив Лиэн. Подошла девушка с меню — Лиэн взяла его в руки и долго смотрела на обложку, потом открыла и смотрела внутрь с таким выражением с каким смотрят на что-то непонятное но интересное.

— Что будете? — спросила официантка.

— Кофе, — сказал Коэн. — Лиэн?

Она подняла взгляд от меню.

— Что из этого горячее всего?

— Эм... глинтвейн? Или какао.

— Какао, — сказала Лиэн. — Пожалуй.

Официантка ушла. Коэн смотрел на Лиэн — она снова изучала меню, переворачивала страницы, читала. Не рассеянно — внимательно, как читают документ.

— Интересно? — спросил он.

— Много всего, — сказала она не отрываясь. — У вас здесь едят странные вещи.

— Например?

Она показала пальцем.

— Вот. Авокадо с чем-то. Что такое авокадо?

— Фрукт. Зелёный, — сказал Коэн. — Вы никогда не пробовали?

— Нет, — сказала она просто. Закрыла меню и положила на стол. Сложила руки. Посмотрела на него. — Вы хотите спрашивать. Спрашивайте.

Он помолчал секунду.

— Хорошо. — Он облокотился на стол. — Вы сказали что жили в замке. Всю жизнь.

— Да.

— Замок — музей. Там никто не живёт.

— Нынче — не живёт, — сказала она. — В моё время — живёт. Жил. — Она чуть нахмурилась — видимо решая как объяснить. — Я не знаю как это возможно. Я шла по коридору. Увидела картину — ту что всегда висит у восточного крыла. Сделала шаг. И оказалась там — в том зале где вы меня нашли.

Принесли кофе и какао. Лиэн посмотрела на чашку — взяла за ручку, понюхала. Отпила осторожно. Что-то в её лице изменилось.

— Вкусно, — сказала она негромко. Как будто удивилась.

Коэн смотрел на неё.

Нора никогда не пила какао. Говорила что это детский напиток. Заказывала всегда американо, без сахара, иногда с собой в стакане навывнос. Он знал это так же хорошо как знал её номер телефона.

— Лиэн, — сказал он. — Какой сейчас год? По-вашему.

Она назвала. Он кивнул — медленно, переваривая.

— Это... давно, — сказал он.

— Знаю, — сказала она. — Я вижу. — Кивок в сторону окна — за ним Морея, высотки, машины, всё то что не могло существовать в её время. — Всё это... — она помолчала подбирая слово. — Всё это вы построили. За те годы что прошли.

— Не я лично.

— Морея, — поправила она. — Народ Мореи.

Он посмотрел на неё.

— Вы говорите про Морею как про свою.

— Она и есть моя, — сказала Лиэн просто. — Я там родилась. Там выросла. Это мой дом. — Пауза. — Просто нынче он другой.

За окном проехал трамвай — громко, с лязгом. Лиэн чуть вздрогнула — не от страха, от неожиданности. Проводила его взглядом.

— Что это? — спросила она.

— Трамвай. Транспорт. Ездит по рельсам.

— По рельсам, — повторила она. — Без лошадей.

— Без лошадей.

Она смотрела ему вслед пока он не скрылся за углом. Потом вернулась к какао.

— Коэн, — сказала она.

— Да.

— Вы мне не верите.

Он помолчал.

— Я не знаю что думать, — сказал он честно. — То что вы говорите — это невозможно. По всем законам которые я знаю. — Пауза. — Но вы не похожи на человека который притворяется или у которого... — он подбирал слово.

— Помутился рассудок? — подсказала она спокойно.

— Я не это хотел сказать.

— Но думали.

Он не ответил. Она кивнула — без обиды.

— Разумно, — сказала она. — На вашем месте я думала бы то же самое. — Она обхватила чашку двумя руками — согреться. — Я не прошу вас верить. Я прошу помочь разобраться. Это разные вещи.

Коэн смотрел на неё.

Нора никогда так не говорила. Нора говорила быстро и перескакивала с темы на тему и никогда не давала собеседнику додумать мысль до конца. А эта девушка говорила медленно, точно, взвешивала каждое слово. Смотрела в глаза не отводя взгляда.

— Чем я могу помочь? — спросил он.

— Для начала — объясните мне этот мир, — сказала она. — Как он устроен. Что изменилось. — Она посмотрела в окно на город. — Я вижу что изменилось многое. Но я не знаю деталей. А без деталей я не смогу разобраться как сюда попала и как вернуться.

— Это... долгий разговор.

— У меня есть время, — сказала она. — Судя по всему — много времени.

Коэн смотрел на неё секунду. Потом взял кофе.

— Хорошо, — сказал он. — С чего начать?

— С самого важного, — сказала Лиэн. — Кто правит Мореей нынче?

Он чуть улыбнулся — впервые за всё это время.

— Это сложный вопрос.

— Отчего?

— Потому что у нас нет одного правителя. Есть совет, есть выборы, есть... — он остановился. — Знаете что, давайте по порядку.

— Давайте, — сказала она.

И он начал объяснять.

Лиэн слушала — не перебивая, не отвлекаясь. Иногда кивала. Иногда задавала короткий точный вопрос — такой который показывал что она не просто слышала а понимала и уже думала дальше. Коэн объяснял — сначала осторожно, потом увлёкся. Про устройство города, про управление, про то как работают законы. Она слушала как слушают что-то важное.

За окном Морей жила своей жизнью. Трамваи ходили по рельсам. Люди шли по площади Казлана.

Какао у Лиэн давно остыло — она не заметила.

Конец девятой главы

Глава 10. Покои принцессы

Эна и Мира пришли после ужина.

Нора к тому моменту сидела за столом и смотрела на свечу. Свеча горела ровно — без сквозняков, без мигания. Просто горела. Она наблюдала за ней уже минут десять и думала что это, пожалуй, самое спокойное что она видела за весь день.

Служанки вошли привычно — без стука, как входят в комнату где бывают каждый вечер. Мира была постарше, с тяжёлыми тёмными косами и быстрыми руками. Эна — молодая, та самая что проводила её до малого зала, с корзиной и полотенцем через руку.

Переодевание прошло быстро — Нора стояла там где поставили и делала то что говорили. Один раз подняла не ту руку, Мира мягко поправила. Нора кивнула и не стала объяснять.

Потом Эна усадила её на стул у зеркала.

Зеркало было большим — в деревянной раме, немного мутноватым как бывает со старым стеклом. Нора смотрела на себя в нём и видела принцессу. Не себя — принцессу. Та же внешность, те же черты, но что-то в отражении было другим. Может быть свет от свечей. Может быть одежда. Может быть то что она сама чувствовала себя совсем не собой.

Эна начала расчёсывать волосы.

Это было неожиданно приятно — медленно, методично, от корней к концам. Нора едва не закрыла глаза. Не закрыла — нельзя расслабляться, нельзя.

— Как обычно заплетаете, ваше высочество? — спросила Эна.

Нора смотрела в зеркало.

Как обычно. Как принцесса обычно заплетает волосы на ночь. Одна коса? Две? Просто распущенные?

— Как тебе удобнее, — сказала она.

Эна чуть замедлила движение. Мира у окна подняла взгляд — коротко, едва заметно. Они переглянулись.

Нора сделала вид что не заметила.

— Хорошо, ваше высочество, — сказала Эна.

Она заплетала молча — ловко, быстро. Нора смотрела в зеркало и думала что надо запомнить как это выглядит. Чтобы завтра когда спросят снова — ответить правильно. Одна коса, низко, через левое плечо. Запомнила.

— Мира, — сказала она осторожно.

— Да, ваше высочество?

— Как прошёл день? В замке.

Мира чуть удивилась — видимо принцесса обычно не спрашивала. Или спрашивала иначе.

— Обычно, ваше высочество. Кардон проводил осмотр после полудня. Прибыл обоз с припасами из Харума. — Пауза. — В кухне подрались двое поварят, но это уже уладили.

— Хорошо, — сказала Нора. — Что поварята помирились.

Эна за её спиной чуть улыбнулась — она видела это в зеркале.

— Готово, ваше высочество.

Нора посмотрела на своё отражение. Коса лежала ровно, волосы убраны. Она была похожа на принцессу даже больше чем днём.

Это было странно.

Мира задёрнула шторы — тяжёлые, тёмные, они сразу отрезали и окно и улицу и всё снаружи. Эна добавила поленьев в очаг — маленький, у стены, он давал не столько тепло сколько свет. Обе пожелали спокойной ночи — коротко, привычно — и вышли.

Дверь закрылась.

Нора осталась одна.

Она сидела на краю кровати и не двигалась.

Кровать была большой — с балдахином, с тяжёлыми шторами по бокам, с одеялом такой толщины что в него можно было завернуться целиком. Подушки пахли лавандой. Всё было мягким и тёплым и абсолютно чужим.

За окном — ночная Морейя. Не та которую она знала. Другая — тёмная, без фонарей, только огни в окнах домов внизу и звёзды над крышами. Шторы были задёрнуты но она встала и отодвинула одну — чуть-чуть, посмотреть.

Звёзд было много. Она никогда не видела столько звёзд над городом. В её Морее небо всегда было подсвечено снизу — реклама, фонари, окна высоток. Здесь небо было настоящим. Тёмным и глубоким и полным.

Она смотрела на него и думала что это красиво.

А потом поняла что думает что это красиво — и это было настолько неуместно что она почти засмеялась. Почти.

Вместо этого она отпустила штору и легла на спину и уставилась в балдахин над головой.

Тёмная ткань. Деревянные перекладки. Не потолок с трещиной у левого угла.

Не её потолок.

Что-то сжалось в груди — медленно, как будто кто-то взял и осторожно сдвигал. Не резко — просто взял и держит. Она лежала и чувствовала это и не пыталась прогнать потому что прогонять было некуда. Это просто было.

Она думала о телефоне. Он остался там — на паркете в музейном зале, с треснутым экраном. Там были все её контакты, все фото, все переписки. Там были непрочитанные сообщения Коэна. Там была вся её жизнь в маленьком прямоугольнике стекла и металла.

Коэн.

Он написал ей утром. И вчера. И позавчера. Она каждый раз читала и убирала — потом, потом, не сейчас. Теперь не было никакого потом. Теперь было только это — балдахин, лаванда, чужая ночь за окном.

Она закрыла глаза.

Мэйли сейчас наверное думает что она просто не пишет как обычно. Сэна может забеспокоится к вечеру. А может нет — Нора часто пропадала на день-два, это не было чем-то новым. Никто не будет искать. Не сразу.

Это была самая страшная мысль за весь день.

Не замок, не средневековье, не то что она не знает как вернуться. А то что никто не будет искать. Не сразу.

Она лежала и смотрела в темноту балдахина и чувствовала как глаза стали влажными — не от рыданий, просто сами по себе. Тихо, без звука. Она даже не вытирала — просто лежала и позволяла.

Где-то далеко в замке пробили часы. Она не умела считать удары — не знала сколько их должно быть. Просто слышала как звук идёт по камню и затихает.

Потом тишина.

Она думала: завтра. Завтра нужно найти ту картину снова. Попробовать ещё раз — может нужно как-то иначе коснуться, может нужно что-то сказать, может это работает не так как она думала. Завтра.

Но это было завтра.

А сейчас была ночь, и чужая кровать с запахом лаванды, и звёзды за шторой которых слишком много, и влажные глаза которые она не вытирала.

И где-то в другом месте — её город, её квартира, её потолок с трещиной у левого угла.

Очень далеко.

Конец десятой главы

Глава 11. Второй день

Нора проснулась от звука.

Не будильника — колоколов. Они гудели где-то снаружи, глухо и методично, и звук шёл сквозь каменные стены как сквозь воду. Она лежала с открытыми глазами и смотрела в балдахин и несколько секунд не понимала где она.

Потом поняла.

Балдахин. Лаванда. Холодный воздух из щели в ставнях.

Всё ещё здесь.

Она закрыла глаза снова — не чтобы спать, просто на секунду. Потом открыла. Встала.

Эна пришла раньше чем она успела придумать что делать с утром — с подносом, с водой для умывания, с одеждой перекинутой через руку. Нора приняла всё это молча и с видом человека которому не нужно объяснять порядок вещей. Порядка она не знала но вид держала.

Пока Эна возилась у окна — раздвигала ставни, впускала серый утренний свет — Нора умывалась и думала.

Сегодня нужно найти картину. Это первое.

Второе — не попасться. Вчера прошло на инстинкте и удаче. Сегодня удача может не сработать.

Третье — понять как здесь всё устроено. Чтобы не попасться нужно знать правила. А правил она не знала почти ни одного.

— Эна, — сказала она.

— Да, ваше высочество?

— Что сегодня по распорядку?

Эна чуть удивилась — снова, как вчера когда она спросила про поварят. Значит принцесса обычно распорядок наизусть знала.

— Утром завтрак с Кардоном, — сказала Эна. — Потом занятия с наставником Рельдом. Потом свободное время до обеда.

— Занятия, — повторила Нора. — Какие занятия?

— История и управление, ваше высочество. Как обычно по средам.

История и управление. Отлично. Это она точно провалит.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо.

Эна кивнула и вышла — тихо, привычно, плотно прикрыв дверь.

Нора посмотрела на себя в зеркало.

Принцесса смотрела в ответ.

— Окей, — сказала Нора своему отражению. — Окей. Не паникуем. Завтрак, история, управление. Потом картина. По порядку.

Отражение молчало.

— Полезный разговор, — сказала Нора и пошла на завтрак.

Кардон уже сидел за столом когда она вошла.

Завтрак был простым — хлеб, сыр, что-то горячее в глиняных мисках, травяной отвар от которого пахло незнакомо но приятно. Тэрвин читал какой-то документ, держа его в одной руке и отпивая из кружки другой. Поднял взгляд когда она села.

— Доброе утро.

— Доброе, — сказала Нора.

Она взяла хлеб. Отломил кусок. Попробовала — плотный, немного кисловатый, совсем не похожий на то что она привыкла есть. Но есть можно.

Они завтракали молча — Тэрвин читал, она ела и смотрела по сторонам. Зал для завтрака был небольшим — не тот торжественный что она видела вчера, другой, поменьше, без лишнего. Один слуга у стены, два окна, утренний свет.

— Рельд сегодня будет строгим, — сказал Тэрвин не отрываясь от документа.

Нора подняла взгляд.

— Почему?

— Ты пропустила прошлую среду. Он не забыл.

Пропустила прошлую среду. Значит настоящая Лиэн пропустила — по какой-то причине. А теперь наставник недоволен.

— Ничего, — сказала Нора. — Справлюсь.

Тэрвин наконец опустил документ и посмотрел на неё. Внимательно — так как смотрел вчера в коридоре когда сказал что она странная.

— Как спала?

— Хорошо, — сказала она.

— Правда?

Пауза.

— Не очень, — призналась она.

Тэрвин кивнул — коротко, без лишних слов. Снова взял документ. Нора поняла что это был его способ сказать: понимаю, ладно, продолжай.

Она взяла кружку с отваром. Отпила. Скривилась внутри — горько, совсем без сахара — но внешне не показала.

Это тоже был навык. Пять лет перед камерой.

Наставник Рельд оказался маленьким сухим мужчиной лет шестидесяти с такими кустистыми бровями что они жили, казалось, отдельной жизнью. Когда Нора вошла в учебный зал он стоял у стола с картой и смотрел на неё поверх этих бровей с видом человека который уже всё решил.

— Садитесь, — сказал он.

Она села.

— Прошлая среда.

— Я знаю, — сказала Нора.

— Тогда начнём с того на чём остановились. — Он указал на карту. — Западные провинции. Торговые пути. Продолжайте.

Нора смотрела на карту.

Карта была большой, подробной, исчерченной названиями которые она не умела читать — буквы были похожи на знакомые но не совсем. Западные провинции. Торговые пути. Она понятия не имела что говорила настоящая Лиэн на прошлом занятии.

— С какого места? — спросила она.

Рельд поднял бровь. Обе.

— С того на котором вы остановились, — повторил он медленно — как повторяют для тех кто плохо слышит.

— Я имею в виду, — сказала Нора осторожно, — хочу убедиться что помню правильно. Повторите последнее что мы обсуждали.

Рельд смотрел на неё долгую секунду.

— Северный маршрут, — сказал он наконец. — Почему он невыгоден зимой.

— Потому что перевалы закрываются, — сказала Нора. Наугад — но это звучало логично.

Рельд кивнул — неохотно, как кивают когда ответ правильный но признавать это не хочется.

— Продолжайте.

Нора продолжала — осторожно, на общих словах, слушала как он поправляет и запоминала поправки. Через полчаса она уже понимала примерно о чём речь. Через час — могла говорить не только общими словами.

Рельд в конце занятия сложил карту и посмотрел на неё.

— Лучше чем прошлый раз, — сказал он. — Хотя это не комплимент — прошлый раз был плох.

— Спасибо, — сказала Нора.

Он ушёл. Она осталась в учебном зале одна — с картой, с записями которые делала по ходу занятия, с тихим удивлением от того что урок прошёл не так плохо как она боялась.

Может быть потому что она умела слушать когда хотела. Просто раньше почти никогда не хотела.

Свободное время она потратила на поиск картины.

Ходила по коридорам восточного крыла — медленно, с видом человека который просто прогуливается. Картина была там где и вчера — на середине коридора, в той же раме, с тем же замком на холме. Нора подошла. Коснулась холста — сначала осторожно, потом увереннее.

Ничего.

Она попробовала с другого угла. Потом обеими руками. Потом закрыла глаза и коснулась — вдруг нужна концентрация или что-то в этом роде.

Ничего, ничего, ничего.

Холст был просто холстом.

Нора стояла перед картиной и смотрела на замок на ней. Тот же замок что снаружи — только нарисованный, плоский, неподвижный. Никакого всадника. Никакого свечения. Никакого портала.

— Слушай, — сказала она тихо картине. — Я не знаю как ты работаешь. Но если ты можешь — дай знак. Любой. Я не прошу сразу домой. Просто дай знак что это вообще возможно.

Картина молчала.

— Понятно, — сказала Нора.

Она постояла ещё минуту. Потом развернулась и пошла обратно.

В конце коридора столкнулась с Олданом — он шёл навстречу, чуть притормозил при виде её, поклонился.

— Принцесса.

— Привет, — сказала Нора.

Он чуть замедлился — *привет* видимо было не то слово. Но промолчал.

— Далеко идёшь? — спросила она.

— К Кардону. С докладом.

— Хорошо. — Она посмотрела на него. — Как тебе замок? Освоился?

Он смотрел на неё с тем же выражением что и вчера — внимательным, спокойным, чуть удивлённым.

— Осваиваюсь, — сказал он.

— Я тоже, — сказала Нора.

Он моргнул. Она прошла мимо — и только потом сообразила что принцесса наверное не говорит что осваивается в собственном замке. Обернулась — но Олдан уже шёл дальше, не оглядываясь.

Нора выдохнула.

Нормально. Почти нормально.

Вечером за ужином Тэрвин сказал что завтра придёт гонец из южных земель. Что-то про границы и торговые споры — Нора слушала и кивала и запоминала слова которых не знала чтобы потом разобраться. После ужина вернулась в покои, дождалась пока Эна заплетёт косу и уйдёт, легла.

Балдахин. Лаванда. Звёзды за шторой.

Она лежала и думала что прошёл второй день. Что она не провалилась — ни на завтрак, ни у Рельда, ни с Олданом. Что картина не работает и она не знает почему и что с этим делать.

Что дома её всё ещё никто не ищет. Наверное.

Часы где-то в замке пробили — она уже умела считать: девять ударов. Запомнила за вчера.

Девять вечера в другом веке.

Она закрыла глаза.

Конец одиннадцатой главы

Глава 12. Кафе. День второй

Коэн пришёл утром.

Лиэн сидела у окна — он предложил остаться на несколько дней, она согласилась потому что идти было некуда — и смотрела на улицу. Морейя просыпалась: люди с сумками, повозки без лошадей, кто-то выгуливал собаку. Она наблюдала за всем этим молча и методично — как наблюдают за чем-то важным что нужно запомнить.

Вчера вечером Коэн объяснял долго. Про город, про управление, про законы. Она слушала и задавала вопросы — про деньги, про транспорт, про то почему на улицах так шумно. Он отвечал терпеливо, без раздражения. Потом она попросила объяснить про телефон. Он объяснял минут двадцать. Она слушала, взяла его телефон — осторожно, двумя руками — несколько минут держала и рассматривала. Потом вернула.

— Завтра продолжим, — сказал он.

— Хорошо, — сказала она.

Он постелил ей на диване — принёс одеяло, подушку, спросил не холодно ли. Она сказала что нет. Он ушёл в свою комнату.

Она лежала в темноте чужой квартиры и смотрела в потолок.

Что-то произошло. Что-то непонятное — колдовство, морок, что-то чему она не знала названия. Она шла по коридору, увидела картину, сделала шаг — и оказалась здесь. В другом

месте. В другом времени судя по всему. И все вокруг видят в ней какую-то другую девушку — Нору. Показывают её лицо на фото. Называют её именем.

Она не понимала как это возможно.

Она заснула только под утро.

— Доброе утро, — сказал Коэн входя. В руках у него было две кружки.

Лиэн обернулась от окна.

— Доброе.

— Кофе? — Он протянул кружку.

Она взяла. Отпила — и едва не поставила обратно. Горько, крепко, совсем без ничего.

— Вам не нравится?

— Непривычно, — сказала она осторожно.

Он взял кружку обратно, вернулся на кухню, принёс снова — теперь светлее, с молоком.

Она попробовала. Лучше.

— Благодарю, — сказала она.

Он сел напротив. Они помолчали.

— Я думал ночью, — сказал он наконец.

— Я тоже, — сказала Лиэн.

— Вы появились в том зале внезапно. Стояли у картины. — Он держал кружку двумя руками. — Что это была за картина?

Лиэн смотрела на него.

— Замок, — сказала она. — На холме. Серое небо над ним.

Коэн поставил кружку.

— Та самая, — сказал он тихо — как будто себе. — Именно у неё я нашёл телефон на полу.

Лиэн молчала.

— Значит это связано с картиной, — сказал он.

— Думаю да, — сказала она. — В моём... — она остановилась подбирая слово. — Там откуда я пришла — в коридоре висит похожая картина. Я шла мимо и что-то случилось. — Пауза. — Я не знаю как это объяснить. Я просто оказалась здесь.

Коэн смотрел на неё.

— Кто мог это сделать?

— Не ведаю, — сказала она. — Это колдовство. Или что-то похожее. Я не понимаю как такое возможно.

— У нас это не называют колдовством, — сказал Коэн осторожно. — Но... — он помолчал. — Я знаю людей которые занимаются странными вещами. Вещами которые трудно объяснить.

Она смотрела на него внимательно.

— Кто такие?

— Есть один человек. — Он взял кружку снова. — Мой приятель. Работает в особом отделе. Занимается делами которые обычная служба не берёт.

— Вы доверяете ему?

— Да.

— Тогда нужно с ним поговорить, — сказала Лиэн просто.

Коэн кивнул. Встал, взял обе кружки, унёс на кухню. Вернулся.

— Ещё одно, — сказал он. — Та картина в музее — кто-то её принёс. Недавно, судя по всему. Нужно узнать кто.

— Это важно, — согласилась Лиэн.

— У меня там есть знакомый охранник. Спрошу.

Она кивнула. Потом помолчала секунду.

— Коэн.

— Да.

— Вы хотите найти Нору.

Это не был вопрос. Он это понял.

— Да, — сказал он.

— Тогда начнём с картины, — сказала она. — И с замка. Я хочу пройти по нему — по всем залам, по коридорам. Там может быть что-то важное.

Он посмотрел на неё.

— Это музей. Туда можно просто зайти.

— Знаю. Но я хочу видеть всё. — Она смотрела на него прямо. — Вы можете мне?

Он думал секунду. Потом кивнул.

— Сегодня?

— Сейчас, — сказала Лиэн. — Если можно.

Краешек его рта чуть поднялся.

— Допейте кофе сначала.

Она посмотрела на кружку. Потом на него.

— Это обязательно?

— Нет, — сказал он. — Но лучше.

Она допила. Он встал и взял куртку.

— Идёмте.

Они вышли на улицу — в утреннюю Морею, прохладную и шумную. Лиэн шла рядом с Коэном и смотрела по сторонам. Вчера она шла здесь в панике и почти ничего не замечала. Сейчас замечала.

Магазины с большими стеклянными витринами. Вывески с буквами которые она умела читать но слова иногда не понимала. Запах кофе из открытой двери. Голуби на площади Каэлана у колодца.

Она остановилась.

— Что? — спросил Коэн.

— Колодец, — сказала она.

— Да. Старый. Говорят с самого основания города.

Лиэн смотрела на него. Серый камень, замшелый у основания, деревянный ворот который давно не крутился. Она знала этот колодец. Её отец распорядился починить его три года назад — она помнила как привезли новые доски для ворота.

Три года назад для неё. Для всех остальных — давным-давно.

— Идёмте, — сказала она тихо.

Они пошли дальше — через площадь, мимо таблички с золотыми буквами, вверх по улице к холму. Коэн шёл рядом и молчал. Она была благодарна ему за это — он чувствовал когда не нужно говорить.

Замок показался из-за деревьев — серый камень, те же башни, тот же флюгер. Лиэн смотрела на него и думала что снаружи он почти не изменился. Те же стены. Те же зубцы. Только вокруг теперь был забор с табличками и касса у входа.

— Готовы? — спросил Коэн у ворот.

Лиэн смотрела на замок.

Её замок.

— Да, — сказала она. — Готова.

Конец двенадцатой главы

Глава 13. Замок-музей

Касса у входа была маленькой — деревянная будка с окошком, женщина внутри с усталым видом человека который продаёт билеты с девяти утра. Коэн заплатил за двоих — Лиэн наблюдала как он достаёт из кармана бумажки и монеты, как женщина отсчитывает сдачу. Деньги здесь были другими — бумажными, лёгкими, без веса который она привыкла чувствовать в ладони.

— Держите, — Коэн протянул ей билет.

Она взяла. Маленький прямоугольник бумаги с надписью и цифрами.

— Что с ним делать?

— Показать на входе. Потом можно убрать.

Она кивнула.

Охранник у входа — пожилой, в синей форме — глянул на билеты и кивнул. Они вошли.

Первый зал ударил запахом.

Не затхлостью — нет. Старым камнем, воском, чем-то деревянным. Лиэн остановилась на пороге и просто стояла секунду. Закрыла глаза.

Этот запах она знала.

Это был запах замка. Её замка. Такой же — только тише, без дыма от факелов, без запаха конюшни который иногда доносился с ветром. Как будто взяли запах и убрали из него всё живое — оставили только камень и время.

— Всё в порядке? — спросил Коэн тихо.

Она открыла глаза.

— Да, — сказала она. — Просто запах.

Он посмотрел на неё — понял не всё но кивнул.

Они пошли дальше.

Первый зал был про основание — карты, макеты, витрины с предметами за стеклом. Лиэн шла медленно, читала таблички. Буквы те же, слова понятные — но некоторые вещи в витринах она узнавала.

Светильник. Бронзовый, с узором по ободку — такие висели в малом зале для совещаний. Здесь он лежал за стеклом с табличкой: *предположительно XV век, назначение — освещение.*

Назначение — освещение. Она едва не улыбнулась.

— Что-то не так? — спросил Коэн.

— Нет. — Она кивнула на светильник. — Я видела такой. Раньше.

Он посмотрел на витрину. Потом на неё. Промолчал.

Они шли дальше.

Второй зал был больше — высокие потолки, широкие окна которых раньше не было. Прорубили позже, поняла Лиэн — камень вокруг рамы другой, более светлый. Здесь висели портреты. Правители Мореи — длинный ряд, лицо за лицом. Она шла вдоль них медленно.

Незнакомые. Незнакомые. Незнакомые.

Потом — знакомое.

Она остановилась.

На портрете был мужчина — немолодой, в тёмном, с прямым взглядом и руками сложенными перед собой. Лицо она не знала — портрет написан не при жизни, художники всегда меняют. Но что-то в нём — в постановке плеч, в линии подбородка, в том как он держал голову — она знала. Видела каждый день.

Под портретом была табличка. Имя. Даты рождения и смерти — две цифры разделённые тире. Несколько строк о правлении.

Лиэн читала медленно.

Имя — его имя. Правление — его годы. *При нём Морея выстояла в тяжёлое время. Запомнен как мудрый и справедливый правитель.*

Она не дочитала до конца — Коэн подошёл ближе и она отвела взгляд. Даты она не успела увидеть — или не захотела. Она не была уверена.

— Знаете его? — спросил Коэн.

Пауза.

— Это мой отец, — сказала она тихо.

Коэн посмотрел на портрет. Потом на неё. Молчал.

Она стояла и смотрела на портрет ещё секунду — на знакомую линию плеч, на прямой взгляд. Он сидел вчера за завтраком и читал документ и пил из кружки. Живой, настоящий, с сединой у висков.

А здесь — краски и рама и табличка с тире между двумя датами.

— Пойдёмте, — сказала она.

Голос был ровным. Она умела это.

Третий зал — мебель, сундуки, столы за верёвочным ограждением. Лиэн обходила всё медленно. Узнавала — то форму стола, то узор на сундуке, то форму дверной ручки. Её мир лежал здесь за верёвочными ограждениями, под табличками с датами.

Она думала что будет больно. Но это было не больно — это было странно. Как смотреть на себя в зеркало которое показывает тебя через сто лет. Узнаёшь черты — но человек в зеркале другой.

— Лиэн, — сказал Коэн.

Она обернулась. Он стоял у дверного проёма.

— Там коридоры, — сказал он. — Жилые. Они открыты для посещения.

Она подошла.

Коридор был тот же.

Она поняла это сразу — ещё на пороге. Те же пропорции, тот же камень, то же направление окон. Только факелов не было — вместо них на стенах висели продолговатые светильники которые светили ровно и холодно. И не было запаха воска.

Она шла медленно.

Вот здесь — она помнила — всегда тянуло сквозняком из-под двери в кладовую. Дверь была замурована — ровный камень, почти без шва. Но она знала где она была.

Вот здесь — широкий подоконник где она иногда сидела с книгой. Теперь на нём стояла витрина с какими-то предметами.

Вот здесь — поворот направо, к восточному крылу.

Она повернула.

Коэн шёл следом молча.

Восточный коридор. Она шла и считала шаги — не специально, просто тело помнило. Двенадцать шагов от поворота. Пятнадцать. Восемнадцать.

Остановилась.

Стена. Пустая, без ничего. Только камень и один из холодных светильников над головой.

Здесь висела картина. Она знала это так же точно как знала где кладовая и где подоконник. Именно здесь она остановилась тогда. Посмотрела. И сделала шаг.

Картины не было.

— Что здесь? — спросил Коэн тихо.

— Здесь висела картина, — сказала она. — Там откуда я пришла. Именно здесь. Он смотрел на стену.

— Теперь нет.

— Нет, — согласилась она.

Она подошла вплотную. Провела рукой по камню — холодный, шероховатый. Просто стена.

— А в музее, — сказала она не оборачиваясь, — та картина которую вы нашли. Где именно она висела?

— В третьем зале, — сказал Коэн. — Пойдёмте покажу.

Они вернулись — через коридор, через жилые залы, в третий. Коэн подвёл её к стене где теперь висела другая картина — пейзаж, река.

— Здесь, — сказал он. — Вот гвоздь ещё остался от той рамы.

Лиэн смотрела на гвоздь в стене. Потом огляделась — прикинула расстояние, направление, положение окон.

Она вернулась в коридор — быстро, Коэн за ней. Встала у пустой стены. Посмотрела на окна. Посмотрела на светильник.

Потом пошла обратно в третий зал. Встала у гвоздя.

— Это одно место, — сказала она.

— Что?

— Там и здесь. — Она показала — сначала на гвоздь, потом в сторону коридора. — Это одно и то же место. Просто с разных сторон стены. В разных временах.

Коэн стоял и смотрел на неё.

— Вы хотите сказать что обе картины висели в одном месте. Только одна — в вашем времени, другая — здесь.

— Да, — сказала Лиэн. — И кто-то это знал. Кто-то специально повесил ту картину именно здесь. Зная что с другой стороны — другая.

Тишина.

Где-то в соседнем зале экскурсовод что-то рассказывал группе туристов — голос доносился неразборчиво, методично.

Коэн первым нарушил молчание.

— Значит это не случайность, — сказал он.

— Нет, — сказала Лиэн. — Это не случайность.

Они смотрели друг на друга.

— Нам нужен ваш приятель, — сказала она. — Тот из особого отдела.

— Солан, — сказал Коэн. — Да. Нам нужен Солан.

Конец тринадцатой главы

Глава 14. Солан

Коэн позвонил Солану прямо у ворот музея.

Лиэн стояла рядом и наблюдала — она уже привыкла к телефону как к предмету, но разговор через него всё ещё казался ей странным. Человек говорит в маленький прямоугольник и где-то далеко другой человек слышит. Она понимала это умом — но не чувствовала.

— Солан, привет. — Коэн говорил коротко, по-деловому. — Нужно встретиться. Сегодня. Да, важно. — Пауза. — Нет, по телефону не буду. Увидимся. — Ещё пауза. — Через час. Знаешь где.

Убрал телефон.

— Он придёт? — спросила Лиэн.

— Придёт, — сказал Коэн. — Он всегда приходит когда я говорю что важно.

— Вы давно знакомы?

— Лет семь. Вместе учились. — Он чуть помолчал. — Он странный. Но надёжный.

— Странный как?

Коэн подумал секунду.

— Сами увидите, — сказал он.

Кафе было то же что вчера — маленькое, тёплое, с запотевшими окнами. Они пришли раньше Солана, заняли угловой столик. Лиэн заказала какао — уже без колебаний, она запомнила что оно здесь хорошее. Коэн взял кофе и смотрел на дверь.

Солан вошёл через двадцать минут.

Лиэн увидела его сразу — высокий, в длинном пальто, с папкой под мышкой. На папке крупными буквами: *ОТДЕЛ-М*. Двигался быстро, уверенно, с видом человека который всегда немного торопится и при этом всегда успевает. Увидел Коэна, кивнул — потом увидел Лиэн и на секунду замедлился.

Сел. Положил папку на стол — надписью вверх, как будто специально. Посмотрел на Лиэн внимательно, изучающе, без стеснения.

— Это Нора? — спросил он у Коэна.

— Это Лиэн, — сказал Коэн.

Солан перевёл взгляд на Коэна. Потом обратно на Лиэн.

— Лиэн, — повторил он. — Как принцесса Морейская.

Лиэн смотрела на него.

— Так это правда, — сказала она. — Я и есть Морейская принцесса.

Солан смотрел на неё секунду. Потом откинулся на спинку стула.

— Ну да, — сказал он. — А я Таэрион собственной персоной.

Лиэн чуть выпрямилась.

— Правда? — спросила она.

Коэн быстро встрял:

— Это шутка такая.

Лиэн перевела взгляд с Солана на Коэна. Помолчала секунду.

Шутка. Она понимала. Но когда Солан произнёс это имя — что-то в ней дрогнуло раньше чем она успела подумать. Таэрион бесследно исчез — это знали все в её время, это была загадка которую никто не мог разгадать. А она только что сама оказалась в другом веке через картину в коридоре. Если такое возможно с ней — почему не могло случиться с ним? Почему исчезновение Таэриона не могло быть тем же самым?

Мысль была быстрой. Почти безумной. Но она успела её подумать.

— Странные у вас шутки, — сказала она наконец.

Солан смотрел на неё — уже иначе. Что-то в его лице изменилось — не скепсис, что-то более внимательное.

— Она говорит серьёзно, — сказал он Коэну.

— Да, — сказал Коэн.

— И ты говоришь серьёзно.

— Да.

Солан подозвал официантку — заказал кофе, двойной, без молока — и только потом снова посмотрел на Лиэн.

— Расскажите, — сказал он. Достал из папки блокнот и ручку. — Всё. С начала.

Она рассказывала коротко и по существу. Коридор, картина, шаг, музей. Коэн который нашёл её у той же картины. То что все видят в ней другую девушку. То что они обнаружили сегодня в замке — обе картины в одном месте, с разных сторон стены.

Солан слушал не перебивая. Пил кофе. Что-то писал в блокнот.

Когда она закончила — молчал секунду.

— Вы сказали коридор восточного крыла, — произнёс он наконец.

— Да.

— И вы уверены что это то же самое место что третий зал музея.

— Уверена, — сказала Лиэн. — Я выросла в том замке. Я знаю каждый коридор.

Солан кивнул — медленно, записал что-то.

— Картина которую вы видели там, — продолжил он. — Опишите.

— Замок на холме. Серое небо. Тяжёлые облака. — Она помолчала. — Только замок.

Никого у ворот.

— А та что висела в музее — там был всадник, — сказал Коэн.

— Да, — подтвердил Солан. — Я её видел. — Он сделал пометку. — Значит две картины.

Один и тот же вид, одно и то же место. Но разные.

— Оригинал и копия, — сказал Коэн.

— Или, — сказал Солан, — оригинал и нечто созданное специально. С конкретной целью. — Он закрыл блокнот. — Мне нужно проверить кое-что в архивах. И выяснить кто принёс ту картину в музей и когда.

— Как долго это займёт? — спросила Лиэн.

— День. Может два. — Он посмотрел на неё. — Вы пока остаётесь у Коэна?

— Да, — сказал Коэн.

— Хорошо. — Солан встал, взял папку. — Я свяжусь как только что-то найду.

— Подождите, — сказала Лиэн.

Он остановился.

— Вы сказали что знаете Таэриона, — произнесла она. — Из шутки.

Солан смотрел на неё.

— Все знают Таэриона, — сказал он. — Основатель Мореи. Первый правитель.

— Его проходят, — добавил Коэн. — В школе.

Лиэн повернулась к нему.

— В школе? — переспросила она.

— Ну да. Место где дети учатся. Читать, писать, история...

— Академия хранителей? — сказала Лиэн.

Коэн открыл рот. Потом закрыл. Что-то в его лице изменилось — он вспоминал.

— Да, — сказал он медленно. — Кажется на уроках истории нам говорили что в те времена это так и называлось. Академия хранителей. — Пауза. — Можно и так сказать.

Лиэн кивнула.

Солан стоял и смотрел на этот обмен — молча, с выражением человека который записывает всё не в блокнот а в голову.

— Таэриона помнят, — сказала Лиэн тихо. Не вопрос.

— Конечно, — сказал Коэн. — Его именем называют улицы. В учебниках целые главы.

— Он пожал плечом. — Хотя никто не знает куда он пропал в конце.

Лиэн смотрела на него.

— Не знают?

— Нет. Просто исчез. Историки спорят до сих пор.

Тишина.

Лиэн опустила взгляд на кружку. Она думала о том что только что сама перенеслась через время — через картину, через что-то чему нет названия в её языке. И Таэрион бесследно исчез — без объяснений, без следа. Историки спорят. Детектив поднимал архивы.

А вдруг это одно и то же.

Она подняла взгляд на Солана.

— Вы тоже не знаете?

Солан чуть приподнял бровь.

— Я занимался этим делом, — сказал он — неожиданно серьёзно для человека который только что шутил. — Поднимал архивы. Летописи. — Пауза. — Ничего не нашёл.

Он сказал это без бравады — просто факт. Единственное дело которое он не раскрыл.

— Я свяжусь, — сказал он. Кивнул Коэну. И ушёл.

Он ушёл — быстро, с папкой под мышкой. Дверь закрылась.

Лиэн смотрела ему вслед.

— Станный, — сказала она.

— Говорил же, — сказал Коэн.

— Но надёжный?

— Да, — сказал Коэн. — Надёжный.

Лиэн кивнула. Взяла кружку с остывшим какао. Отпила.

Таэрион. Улицы названы его именем. Учебники. Историки которые спорят. Детектив который поднимал архивы и ничего не нашёл.

А вдруг нашла бы она.

Она смотрела в окно на Морею — шумную, живую, совсем не похожую на ту которую она знала. Но носящую те же имена. Помнящую тех же людей.

— Хорошо, — сказала она тихо.

— Что хорошо? — спросил Коэн.

— Что помнят, — сказала она.

Он смотрел на неё — не понимая до конца. Она не стала объяснять.

Некоторые вещи объяснить невозможно.

Конец четырнадцатой главы

Глава 15. Третий день

Нора проснулась от колоколов — уже привычно.

Девять ударов она научилась считать вечером. Утрение она ещё не знала сколько — просто слышала как они гудят сквозь камень и думала что надо запомнить. Потом. Сейчас она лежала и смотрела в балдахин и думала что третье утро подряд она просыпается в чужой кровати с запахом лаванды — и это почему-то уже не так страшно как первое.

Не хорошо. Просто не так страшно.

Она встала.

Эна пришла как всегда — с водой, с одеждой, молча и привычно. Нора оделась, дала заплести косу — на этот раз не думала как стоять и куда смотреть, просто стояла. Тело уже запомнило ритуал.

Это было странно — как быстро тело запоминает чужой порядок вещей.

За завтраком Тэрвин снова читал документы. Нора ела хлеб с сыром — она уже привыкла к вкусу, уже не ждала что будет что-то другое — и смотрела на него.

Три дня. Она видела его три дня. Каждое утро за этим столом, каждый вечер на совете. Он всегда читал что-то, всегда держал кружку в левой руке, всегда замечал когда она входила — поднимал взгляд, кивал, и снова в документы.

Сегодня он поднял взгляд и не вернулся сразу.

— Как спала? — спросил он.

— Лучше, — сказала она.

Это была правда. Она спала лучше — не хорошо, но лучше. Просыпалась только один раз а не три.

Тэрвин кивнул. Снова в документы.

Нора смотрела на него ещё секунду. Потом на свою кружку с отваром.

Что-то зацепило — маленькое, почти незаметное. Он спросил как она спала. Просто спросил. Не потому что должен был, не потому что так положено — просто спросил.

Она не стала об этом думать. Отпила отвар.

Занятие с Рельдом прошло лучше чем вчера.

Она уже знала что он строгий но справедливый — если отвечаешь по существу, не пытаешься казаться умнее чем есть, он доволен. Если мямлишь и уходишь от ответа — смотрит поверх бровей так что хочется провалиться сквозь пол.

Сегодня был язык — письменный, старые формы. Рельд диктовал, она писала. Буквы были похожи на знакомые но не совсем — пришлось приспособливаться на ходу.

— Вы держите перо как мясник держит нож, — сказал Рельд.

— Извините, — сказала Нора.

— Не извиняйтесь. Исправляйте.

Она исправила. Он смотрел на её руку — поправил хват, отошёл. Она продолжила.

Через час занятие закончилось. Рельд собирал бумаги и не смотрел на неё.

— Завтра повторим, — сказал он.

— Хорошо.

— И прочитайте третью главу хроник Мореи. Ту что мы проходили в прошлый раз.

Нора открыла рот — и закрыла. В прошлый раз. Значит Лиэн читала. Значит книга где-то есть.

— Напомните где она лежит, — сказала она.

Рельд посмотрел на неё поверх бровей.

— В библиотеке, — сказал он. — Где всегда.

— Конечно, — сказала Нора. — Спасибо.

Библиотеку она нашла не сразу.

Пришлось пройти половину замка прежде чем наткнулась на нужную дверь — тяжёлую, дубовую, с железными петлями. Внутри пахло пылью и старой бумагой. Стеллажи под потолок, узкие проходы между ними, несколько столов у окна.

Нора стояла на пороге и смотрела.

Она никогда особо не любила библиотеки. В её жизни всё нужное было в телефоне — быстро, удобно, с поиском. Здесь был поиск другого рода: ходи между стеллажами и смотри на корешки.

Она пошла между стеллажами и смотрела на корешки.

Хроники Мореи нашлись на третьей полке с конца — толстый том в тёмном переплёте с золотыми буквами. Она взяла его, отнесла к столу у окна, открыла на третьей главе.

Читала медленно — буквы давались лучше чем вчера, смысл тоже. История Мореи — основание, первые годы, первые законы. Имена которые она уже слышала от Рельда. Места которые узнавала — площадь, река, замок.

За окном был двор — конюшни, несколько солдат у тренировочных мишеней. Она смотрела на них иногда — просто так, давая глазам отдых от текста.

Потом увидела того парня из Харума.

Он стоял в стороне от остальных — у дальней стены, с мечом, отрабатывал удары. Тот же что в коридоре три дня назад — жилистый, сосредоточенный. Она видела его мельком и не запомнила толком тогда. Сейчас смотрела чуть дольше.

Двигался хорошо. Методично, без лишнего.

Она вернулась к тексту.

После обеда она пошла к картине.

Каждый день после обеда — это уже стало ритуалом которого она сама не заметила как завела. Восточный коридор, восемнадцать шагов от поворота, серый замок на холме.

Она стояла перед ней и смотрела.

Никакого свечения. Никакого тепла от холста. Просто краска и ткань и чей-то труд.

— Слушай, — сказала она тихо. — Я не знаю как ты работаешь. Честно не знаю. Но что-то же должно быть — какое-то условие, какое-то слово, какое-то время суток. — Пауза. — Намекни хоть как-нибудь.

Картина молчала.

Нора вздохнула. Коснулась холста — привычно, без надежды. Ничего.

Она отступила на шаг. Смотрела на картину и думала что художник который её написал очень любил этот замок. Или очень хорошо его знал — каждый камень, каждый зубец. Видно было.

Кто-то в коридоре прошёл мимо — слуга с подносом, покосился на неё и пошёл дальше. Нора проводила его взглядом.

Три дня она здесь. Три дня держится. Не провалилась на совете, не провалилась у Рельда, не провалилась на завтраке. Иногда говорила не то — но по мелочи, и пока сходило.

Она не знала должна ли этим гордиться или это просто везение.

Наверное и то и другое.

Вечером за ужином Тэрвин рассказывал про гонца с юга — тот прибыл днём, привёз новости о торговых спорах на границе. Нора слушала и ела и кивала. Потом Тэрвин сказал что-то про совет на следующей неделе — расширенный, с приглашёнными старейшинами.

— Ты будешь присутствовать, — сказал он. Не вопрос.

— Да, — сказала Нора.

Он посмотрел на неё.

— Рельд говорит что ты занималась сегодня хорошо.

Нора почти поперхнулась отваром.

— Правда?

— Для него это означает что ты занималась нормально, — поправил Тэрвин. — От Рельда *хорошо* это комплимент.

— Понятно, — сказала Нора.

Он снова в документы. Она смотрела на него — на седину у висков, на привычный жест с кружкой в левой руке.

Рельд говорит. Он спрашивает как она спала. Он говорит *ты будешь присутствовать* — не как приказ, как само собой разумеющееся. Как будто она часть этого всего.

Она убрала взгляд. Отпила отвар.

Не думай об этом, сказала она себе. Просто не думай.

Ночью она лежала и считала в темноте.

Три дня. Картина не работает. Домой она не попала. Но и не провалилась — ни разу по настоящему. Держится.

За окном Морейя была тихой — только ветер в башнях и далёкий голос стражника на смене.

Она закрыла глаза.

Завтра снова Рельд. Завтра снова картина. Завтра снова завтрак с кружкой отвара и документами и вопросом как спала.

Она поймала себя на том что не думает об этом с ужасом.

Просто думает.

Это было странно.

Конец пятнадцатой главы

Глава 16. Третий день Лиэн

Лиэн проснулась рано.

Диван был мягким — слишком мягким, она не привыкла к такому. Первые две ночи почти не спала — лежала и слушала город за окном. Здесь ночью было не тихо — машины, чьи-то голоса, далёкая музыка. Другая тишина. Не её.

Сегодня за окном было серо — облачное утро, без солнца. Она лежала и смотрела в потолок чужой квартиры.

Белый потолок. Ровный, без трещин, без копоти от свечей.

Она встала.

Коэн уже был на кухне — гудела кофемашина. Лиэн вышла, села за стол. Он поставил перед ней кружку — с молоком, она уже не просила, он сам запомнил.

Она это заметила.

— Солан не звонил? — спросила она.

— Нет, — сказал Коэн. — Рано ещё.

Она кивнула. Взяла кружку.

За окном Мореея просыпалась — внизу по улице шли люди, проехал трамвай, кто-то хлопнул дверью подъезда. Лиэн смотрела на всё это и думала что три дня назад она шла по коридору замка с книгами под мышкой. Три дня — и вот она сидит в чужой квартире в чужой одежде и пьёт кофе с молоком из кружки с нарисованным котом.

Кот на кружке смотрел на неё круглыми глазами.

— Коэн, — сказала она.

— Да.

— Чем вы занимаетесь сегодня?

Он чуть удивился вопросу.

— Работаю из дома. — Пауза. — Я могу отложить если нужно.

— Не нужно, — сказала она. — Занимайтесь. Я хочу посмотреть город. Одна.

— Одна?

— Я справлюсь.

Он помолчал секунду.

— Возьмите телефон, — сказал он. — Мой старый, я зарядил. Там моё имя — если что нажмете вот сюда и я перезвоню.

Он показал. Она смотрела внимательно — запомнила.

— Хорошо, — сказала она.

Мореея встретила её прохладой и шумом.

Лиэн шла медленно — по тротуару, мимо витрин и кафе и людей которые куда-то торопились. Никто не смотрел на неё — все шли своими дорогами, в своих мыслях. Это было странно после замка где каждый слуга кланялся и каждый стражник знал её в лицо.

Здесь она была никто.

Это было — неожиданно приятно.

Она шла и смотрела. Витрина с одеждой — яркой, непривычной. Кафе с открытой дверью из которой пахло выпечкой. Цветочный лоток на углу — хризантемы и что-то оранжевое чего она не знала.

Остановилась у лотка.

— Что это? — спросила она у пожилой женщины за прилавком.

— Календула, — сказала женщина. — Берёте?

— Нет, — сказала Лиэн. — Просто смотрю.

Женщина пожала плечом и занялась другим покупателем.

Лиэн смотрела на цветы. Календула. Она знала это слово — в замке лекарь использовал её для настоев. Но живой, вот так, в ведре у дороги — никогда не видела в таком количестве.

Маленькая вещь. Но она остановилась.

Она пошла дальше — через площадь Каэлана, мимо колодца. Остановилась у скамейки, села. Смотрела на людей.

Они были разными — молодые и старые, торопливые и неспешные, с сумками и без. Говорили, смеялись, смотрели в телефоны. Никто не знал что рядом на скамейке сидит принцесса из другого века.

Она думала об отце.

Он сейчас в замке — читает документы, проводит совет, пьёт отвар из левой руки. Живой, настоящий. А здесь — портрет в музее с тире между двумя датами.

Она не читала даты. Намеренно не читала.

Но они там были.

Она встала и пошла дальше.

Книжный магазин она нашла случайно — просто увидела вывеску и зашла.

Внутри пахло бумагой — не старой, новой. Стеллажи, яркие обложки, люди которые ходили между полками с задумчивым видом.

Она шла между стеллажами и читала названия.

Потом остановилась.

На одной из полок — в разделе с надписью *История* — стояло несколько книг с знакомыми словами на обложках. Морея. Основание. Таэрион.

Она взяла одну.

Толстая, в твёрдой обложке, с картой на форзаце. Карта Мореи — она узнала очертания реки, холм с замком, горы вдали. Но город на карте был другим — большим, разросшимся, с улицами которых она не знала.

Она открыла оглавление.

Таэрион — глава третья. Основание замка — глава пятая. Период правления — глава восьмая.

Она листала медленно. Нашла главу про замок — там была гравюра, старая, чёрно-белая. Замок на холме, вид снизу. Башни чуть не те, пропорции немного неверные. Но узнаваемо.

Её замок. Нарисованный кем-то кто видел его только по чужим описаниям.

Она закрыла книгу. Посмотрела на цену — цифры на маленькой наклейке. Потом вспомнила что денег у неё нет.

Поставила книгу обратно.

Постояла секунду. Потом взяла снова и пошла к выходу.

— Девушка, — сказал кто-то за спиной.

Она обернулась. Молодой парень за кассой смотрел на неё.

— Книгу нужно оплатить.

Лиэн смотрела на него. Потом на книгу в руках. Потом снова на него.

— У меня нет денег, — сказала она просто.

Парень моргнул.

— Тогда... положите обратно?

— Да, — сказала она. — Конечно.

Она вернула книгу на полку. Вышла из магазина.

На улице остановилась. Подумала секунду. Достала телефон Коэна — нашла его имя, нажала как он показывал.

Он ответил сразу.

— Всё в порядке?

— Да, — сказала она. — Коэн. В книжном магазине на площади есть книга про историю Мореи. Я хотела бы её прочитать.

Пауза.

— Я куплю, — сказал он. — Подождите там.

Она ждала у входа. Он пришёл через десять минут — в куртке, немного запыхавшийся. Вошёл в магазин, вышел с книгой в бумажном пакете.

Протянул ей.

— Вот.

Она взяла. Смотрела на пакет.

— Благодарю, — сказала она.

— Не за что. — Он чуть помедлил. — Пойдёмте пообедаем? Я знаю место рядом.

Она посмотрела на него. Он стоял и ждал — спокойно, без нетерпения.

— Хорошо, — сказала она.

Они обедали в небольшом кафе за углом — Коэн взял что-то мясное, она попросила его выбрать за неё. Он выбрал суп — горячий, наваристый, с хлебом. Она ела молча и думала что суп здесь хороший. Другой чем дома, но хороший.

— Вы нашли что-нибудь интересное в городе? — спросил он.

— Календулу, — сказала она.

Он чуть улыбнулся.

— И?

— И книжный магазин. — Она помолчала. — Здесь много книг. У нас в библиотеке замка меньше.

— Здесь их печатают машинами, — сказал Коэн. — Быстро и много.

Лиэн подняла взгляд от тарелки. Посмотрела в окно — по улице как раз проехал автомобиль, большой, блестящий.

— Машинами, — повторила она медленно. — Я думала они возят людей и грузы. — Пауза. — А оказывается ещё и книги печатают.

Коэн смотрел на неё секунду. Потом понял.

— Не эти машины, — сказал он. — Другие. Специальные. Для печати.

— А, — сказала Лиэн. — Значит их несколько видов.

— Да, — сказал Коэн. — Много видов.

Она кивнула — серьёзно, как кивают когда принимают к сведению важную информацию.

— Это объясняет, — сказала она.

Они помолчали. Хорошим молчанием — таким каким бывает между людьми которым не нужно заполнять тишину.

Вечером она читала книгу про историю Мореи.

Коэн работал за столом — что-то печатал, иногда говорил по телефону вполголоса. Она сидела на диване, ноги подобраны под себя, книга на коленях.

Читала про Таэриона. Про основание. Про первые годы.

Некоторые вещи были неверными — мелкие детали, даты чуть сдвинуты, имена искажены. Она делала мысленные пометки. Некоторые вещи были точными — удивительно точными для книги написанной через века.

В десятом часу телефон Коэна зазвонил.

Он взял. Послушал. Сказал несколько слов. Положил.

Посмотрел на неё.

— Солан, — сказал он. — Завтра утром. Говорит нашёл кое-что.

Лиэн закрыла книгу.

— Хорошо, — сказала она.

Она легла спать раньше чем обычно — книга осталась на столике заложенная страницей про исчезновение Таэриона.

Закрыла глаза.

Конец шестнадцатой главы

Глава 17. Чужая жизнь

Нора засыпала долго.

Лежала в темноте, смотрела в балдахин, слушала как в замке пробили часы — девять, потом через какое-то время снова. Думала о картине. О том что завтра снова попробует. О том что уже три раза пробовала и ничего.

Потом — провалилась.

Сначала было темно.

Потом — свет. Не факельный, не свечной — другой. Ровный, холодный, электрический. Через большое окно. Незнакомое окно — широкое, без ставней, с тонкой рамой.

Она сидела за столом в кафе.

Нет — не она. Она видела как сидит за столом — но это было не её тело, не её руки на столешнице, не её ощущение стула под собой. Как будто она смотрела чужими глазами и чувствовала чужое тело — одновременно изнутри и снаружи.

Напротив сидели двое.

Одного она узнала сразу.

Коэн.

Он сидел и смотрел — с тем выражением которое она знала. Беспокойным, внимательным. Только смотрел он не на неё — на кого-то кто сидел в её теле и говорил её голосом.

Нора хотела сказать что-то — но не могла. Она была только наблюдателем.

Второй мужчина был незнакомым — высокий, в длинном пальто, с папкой на столе. Он что-то говорил — она слышала слова но смысл ускользал, как бывает когда понимаешь что разговор важный но не можешь уловить суть.

Потом всё смазлось.

Темнота. Потом — улица.

Она стояла у цветочного лотка — одна. Вёдра с цветами, оранжевые, яркие. Она смотрела на них и откуда-то знала: календула. Не вспоминала — просто знала, как знают очевидное.

Пожилая женщина за прилавком что-то говорила. Она отвечала — но что именно, не слышала.

Потом — книжный магазин. Полки, запах новой бумаги. Она держала в руках книгу — толстую, с картой на обложке. Река, холм с замком, горы. Она листала страницы. Потом — касса, молодой парень, какой-то разговор. Она возвращала книгу на полку.

Вышла на улицу. Достала телефон. Нажала что-то. Ждала.

Потом Коэн — появился быстро, немного запыхавшийся, с бумажным пакетом. Протянул ей. Она взяла.

Потом — тихая комната. Вечер. Диван, за окном огни города, Коэн за столом что-то печатает. Она сидит с книгой на коленях и читает. Тихо. Спокойно.

Она смотрела на Коэна.

И снова темнота.

Нора проснулась резко.

Балдахин. Лаванда. Замок.

Она лежала и дышала — быстро, потом медленнее. Сердце успокаивалось.

Сон.

Но — не сон. Она лежала и понимала что это было не похоже на сон. Сны расплываются сразу как просыпаешься — этот не расплывался. Коэн с беспокойным лицом — чётко. Незнакомый мужчина с папкой — чётко. Календула в вёдрах — чётко. Книга с картой — чётко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.